

КАЙЛ МЭДДОКС

МИСТИЧЕСКИЙ КОД
ДИВБЕЕВО

Мистический код Дивеево

Кайл Мэддокс

Оглавление

Пролог

Глава 1. Самодостаточный «коллективный Распутин»

Глава 2. Милитаризация алтаря

Глава 3. Информационная война и контроль над сознанием

Глава 4. Донбасский полигон и экспорт инквизиции

Глава 5. Молот ведьм 282

Источники

Пролог

Свет в ситуационном центре был приглушен до синевато-бледного сияния бесшовных мониторных панелей, на которых пульсировала карта Евразии — нити газопроводов, узлы электросетей и точки дислокации стратегических комплексов. Глубоко под слоями бронированного бетона, где системы жизнеобеспечения мерно гнали очищенный воздух, пахло не озоном и стерильностью, а тяжелым, сладковатым духом воска, старой олифы и ладана. Этот запах пропитывал дорогой пластик пультов и обивку кресел, превращая высокотехнологичный бункер в некое подобие кибернетического алтаря.

На полированном столе из карельской березы, прямо рядом с биометрическим считывателем и терминалом зашифрованной спецсвязи, горела массивная серебряная лампада, чей живой оранжевый огонек метался от малейшего движения воздуха. Человек во главе стола сидел неподвижно, его лицо оставалось в тени, лишь идеально выглаженные манжеты дорогой рубашки поблескивали в свете экранов. Его пальцы, привыкшие подписывать указы государственной важности и касаться сенсоров управления каскадами ГЭС, сейчас медленно и методично перебирали черные четки, спрятанные под столом.

На одном из мониторов данные о состоянии реакторов в закрытом Сарове соседствовали с прямой трансляцией из Дивеевского монастыря. Там, в сотнях километров отсюда, монахини медленно шли вдоль Святой Канавки. В это же самое время на главном экране карта страны внезапно вспыхнула золотистым контуром. Линия противоракетной защиты идеально совпала с границами монастырского рва. Чиновник почувствовал, как по спине пробежал холод.

За пределами этого бункера мир продолжал верить в политику, экономику и прогресс, не подозревая, что судьба человечества передоверена странному симбиозу плутония и ладана. Братство ждало сигнала, и в тишине бункера было слышно лишь, как мерно щелкают четки, отсчитывая секунды до момента, когда реальность окончательно сменится откровением.

Глава 1. Самодостаточный «коллективный Распутин»

Мои многолетние изыскания в области современных политических и эзотерических течений привели меня к изучению феномена, который долгое время оставался в тени официальной хроники и публичных отчетов. Работая с открытыми источниками, архивными документами и свидетельствами очевидцев, я пришел к выводу: вокруг отдельных узлов власти и влияния сформировалась и окрепла уникальная структура, которую исследователи и критики всё чаще называют «Дивеевским братством». Это не просто неформальное объединение высокопоставленных чиновников, силовиков и технократов, связанных общим паломничеством, а скорее сложная метафизическая вертикаль, претендующая на роль невидимого регулятора не только российской, но и глобальной повестки в эпоху великих трансформаций.

Я определяю это явление как «коллективного Распутина». Если в начале XX века влияние мистических сил на государственную власть персонифицировалось в фигуре одного «старца», то в XXI столетии мы имеем дело с распределенной сетью. Это «распутинщина без Распутина» — скоординированный союз, где символическое мышление и эсхатологические ожидания встроены в алгоритмы принятия решений на самом высоком уровне. Институционализированный мистицизм, подкрепленный ресурсами крупных корпораций, становится практически неуязвимым. В этом их принципиальное отличие и главная опасность.

Современная система власти крайне ревниво относится к любым проявлениям частной религиозной инициативы, способной претендовать на близость к «трону». Мы видим, как жестко отсекаются любые старания занять пустующую нишу Григория Ефимовича. Ярким примером стала судьба Леонида Власова, известного в узких кругах как «пророк Зосима». В 2023 году его попытка создать альтернативный центр мистического влияния, апеллируя к дивеевским пророчествам, столкнулась с жёстким противодействием. Это не частный эпизод, а принцип: «право на толкование тайн» стараются монополизировать, не вера и не

традиция сами по себе, а конкретные группы, в частности Дивеевское братство, превращающие смысл в инструмент контроля.

Сущность этого «братства» заключается в тотальном контроле. Оно не просто влияет на экономику через руководство «Росатома» или определяет политическую стратегию через администрацию президента. Оно формирует само информационное пространство, навязывая обществу специфический синтез ядерного щита и православного лубка, где антикультовая риторика используется не для защиты людей, а как удобная технология зачистки конкурентов на бесконечном рынке смыслов.

Начнем с истоков возникновения. История Дивеевского братства неразрывно связана с уникальной точкой на карте — нижегородской землей, где соприкасаются границы физического и метафизического миров. Географический треугольник Дивеево — Саров образует пространство, которое невозможно описать лишь в терминах паломничества или административного деления. Саров, как закрытое административно-территориальное образование (ЗАТО), является колыбелью советского атомного проекта, местом, где ковался «ядерный щит» страны. Соседнее Дивеево — «четвертый удел Богородицы», средоточие самых радикальных апокалиптических ожиданий. Это соседство святости и ядерной мощи породило феномен «технократического оккультизма», о котором в публицистике проницательно упоминал протоиерей Андрей Кураев.

Фундамент современного влияния «братства» был заложен более века назад, в 1903 году. Канонизация преподобного Серафима Саровского стала личным проектом императора Николая II. Это не было обычным актом церковного признания; это была мистическая операция, проведенная вопреки воле значительной части Святейшего Синода. Николай II видел в Саровском старце своего духовного покровителя, способного остановить надвигающуюся катастрофу империи. Личное участие государя в торжествах, его молитвы у мощей святого и получение им таинственного «письма из прошлого», написанного самим Серафимом для «будущего царя», создали прецедент прямого взаимодействия власти с иррациональным.

Именно тогда оформилась идея о том, что судьба России зависит не от реформ или армии, а от верности дивеевским заветам. Центральным элементом этой веры

является так называемая «Великая Дивеевская тайна». Согласно пророчествам, записанным Николаем Мотовиловым и популяризированным Сергеем Нилусом, преподобный Серафим не просто один из самых почитаемых подвижников прошлого, его миссия не завершена. Пророчество гласит о его грядущем воскрешении во плоти «в тяжелое для России время», после чего он возглавит всемирную проповедь покаяния.

Эта эсхатологическая идея о воскрешении для спасения государства легла в основу мировоззрения современных элит. Для технократов из «Росатома» и политических стратегов «воскрешение» Серафима понимается не только в буквальном смысле, но и как восстановление прерванной традиции имперского величия, освященного высшими силами. Мистика Дивеево для современной элиты — это не вопрос личного благочестия, а инструмент геополитического выживания.

Култ Богородичной канавки, которую преподобный Серафим повелел вырыть вокруг обители, в этом контексте приобретает черты сверхъестественной фортификации. Согласно преданию, эта канавка станет преградой, которую не сможет перейти антихрист. В глазах представителей Дивеевского братства — это не метафора. Вера в защитные свойства «Канавки» настолько глубока, что покупка земель в непосредственной близости от нее или участие в ее благоустройстве рассматривается как получение своего рода «метафизической страховки» на случай глобального коллапса.

Участие государственной корпорации «Росатом» в восстановлении и поддержке монастыря выходит далеко за рамки обычной благотворительности. Здесь мы наблюдаем симбиоз ядерных технологий и древних практик. Создание «дивеевского кластера» — это попытка построить идеальную модель мира, где высокотехнологичное производство и строгий порядок получают дополнительную легитимацию мистическим авторитетом. Дивеево становится исследовательским центром, в котором отрабатывается управление обществом через управление смыслами. Концепция «технократического оккультизма» здесь проявляется наиболее ярко: элита верит в силу молитвы так же, как в силу расщепления атома, считая обе эти энергии частями единого инструментария власти.

Таким образом, исторический фундамент «братства» — это не просто почитание памяти святого. Это попытка переиграть трагический сценарий 1917 года. Если Николай II не успел или не смог в полной мере воспользоваться «силой» Серафима Саровского, то современные наследники его идей намерены довести начатое до конца. Они выстраивают систему, где вера в «Великую Дивеевскую тайну» и физический контроль над ядерным арсеналом образуют нерасторжимое целое, создавая ту самую невидимую силу, которая сегодня претендует на управление историческим процессом.

Изучая архивы региональной прессы конца девяностых и сопоставляя их с полузабытыми публикациями в раннем российском сегменте интернета, я начал замечать странную закономерность. В официальной хронике того времени, среди бесконечных отчетов о приватизационных сделках и политических баталиях, все чаще проскальзывали упоминания о частных поездках высокопоставленных петербургских чиновников и силовиков в одно и то же место — на Святую гору Афон.

Удалось найти разрозненные свидетельства того, как в среде «силовых технократов» формировался специфический образ мира. Картина получилась следующая: прежде чем «Дивеевское братство» стало доминирующей метафизической силой, существовал его прототип — «Афонское братство», послужившее своего рода инкубатором для будущей государственной элиты. В центре этой сети стояла фигура, чье имя редко попадало в заголовки федеральных новостей, но чье влияние в узких кругах было почти абсолютным. Константин Голощапов, которого в прессе того времени называли массажистом, выполнял роль не просто физиотерапевта, но и главного связного, духовного модератора и лидера неформальных связей. В моих изысканиях он предстает как идеальный «оператор доступа к телу», человек, который через физический контакт и доверительные беседы выстраивал горизонтальные связи между наиболее влиятельными фигурами Петербурга девяностых.

Именно Голощапов стал исполнительным директором созданного позже, в 2005 году, «Русского афонского общества», однако фундамент этой структуры закладывался гораздо раньше. Изучая генеалогию этой группы, я обнаружил, что ключевыми организаторами и идеологами «афонского маршрута» выступали

Владимир Якунин и Георгий Полтавченко. Для них Афон был не просто местом паломничества, а закрытым элитарным клубом, где под сенью византийских куполов формировалась новая этика служения. В этом кругу, вдали от камер и либеральной прессы, ковались связи между людьми, которые вскоре займут ключевые посты в государстве.

Список участников этих ранних паломничеств впечатляет: Игорь Сечин, Сергей Чemezov, братья Аркадий и Борис Ротенберги, Александр Беглов, Андрей Турчак. Это был «силовой костяк» новой России, который очевидно искал в древних монастырях не спасения души, а легитимации своего права на власть. Монастырская клубная культура, которую они создавали, была уникальным сплавом чекистской дисциплины и византийского церемониала. Черные афонские четки на запястьях, которые начали носить чиновники под манжетами дорогих рубашек, стали своего рода опознавательным знаком «свой-чужой». Это было мужское братство в самом традиционном смысле — суровое, закрытое, основанное на личной преданности и общих мистических переживаниях. Афон предоставлял им идеальную декорацию для решения государственных и бизнес-вопросов: в пространстве, где время замерло на века, любые современные проблемы казались мелкими, а право на «управление историей» — естественным.

Однако настоящий момент истины, где этот разрозненный паломнический опыт кристаллизовался в государственную доктрину, наступил в 2003 году. Анализируя подготовку к празднованию 100-летия канонизации Серафима Саровского, я осознал, что это событие имело масштаб, выходящий далеко за рамки церковного юбилея. Это была масштабная политико-мистическая операция по реставрации имперского духа. Ключевую роль здесь сыграл Сергей Кириенко, занимавший тогда пост полпреда в Приволжском федеральном округе. Как сопредседатель оргкомитета, он подошел к задаче с экспертным размахом, соединив в одном проекте энергетику православия и мощь ядерного сектора. Именно в 2003 году в Сарове и Дивееве произошло окончательное слияние новой политической элиты и церковной иерархии. Выступление Кириенко на заседаниях оргкомитета с тезисом «настало время собирать камни» звучало не просто как цитата из Екклесиаста, а как манифест новой государственной консолидации.

Саров, закрытый город атомщиков, и Дивеево, обитель святого старца, образовали тот самый «атомный православный» контур, о котором я упоминал ранее. Празднование юбилея стало демонстрацией того, что новая власть нашла свой «духовный» якорь. Это был момент, когда «афонские паломники» поняли: их сила не только в контроле над ресурсами, но и в обладании сакральным знанием, в преемственности от дореволюционной империи, благословленной самим Серафимом. В те дни 2003 года в Дивеево съехалась вся политическая верхушка страны. Это было коллективное действо, где чиновники высшего ранга стояли в очередях к святыням наравне с простыми паломниками, но при этом за закрытыми дверями обсуждали стратегии развития госкорпораций и контуры будущей «вертикали власти».

Здесь, у мощей преподобного Серафима, окончательно оформилась идея о том, что православная вера является не просто частным делом, а фундаментом национальной безопасности и геополитического суверенитета. Однако после событий 2014 года «Афонское братство», будучи внешнеполитическим и элитным проектом, неизбежно столкнулось с вызовами реальности. Введение международных санкций сделало регулярные поездки высокопоставленных лиц на Святую гору крайне затруднительными, а порой и невозможными. Афон, находящийся под юрисдикцией Константинопольского патриархата, внезапно превратился из «тихой гавани» в зону геополитического риска. Окончательный удар по «афонскому» вектору нанес церковный раскол 2018 года, когда РПЦ разорвала евхаристическое общение с Константинополем. Для многих членов братства это стало личной драмой и политическим тупиком. Запрет на посещение афонских монастырей для российских чиновников, введенный негласно, но соблюдаемый строго, означал конец целой эпохи. Святая гора, которая годами была местом их подзарядки и неформальных встреч, стала «чужой» территорией, подконтрольной потенциальному противнику.

Но, как показывает анализ, произошла масштабная перегруппировка сил и ресурсов. Внимание элиты, ранее распыленное между Грецией и Италией, резко сфокусировалось на внутренних сакральных центрах. И здесь Дивеево оказалось вне конкуренции. Если раньше Дивеевская обитель воспринималась как «младшая

сестра» Афона, то в новых условиях она стала его полноправным преемником на российской почве.

Кризис афонского влияния подтолкнул к завершению формирования «Дивеевского братства» в его нынешнем виде. Произошла национализация мистического опыта. Все те наработки, которые Голощапов, Якунин, Полтавченко и другие оттачивали в греческих монастырях, были перенесены на нижегородскую землю. Но здесь они приобрели еще более радикальный, эсхатологический оттенок. Без сдерживающего влияния греческого монашества, российское «православное чекистство» окончательно созрело для того, чтобы заявить свои права на толкование судеб мира.

События 2003 года, когда Кириенко мастерски дирижировал торжествами в Сарове, оказались пророческими. Тогда это была лишь «точка сборки», сегодня — это фундамент государственной идеологии. На смену «паломникам-туристам» пришли «строители ковчега». Дивеево превратилось в крепость, где ядерные технологии «Росатома» и молитвенные практики Серафима Саровского образуют единый оборонный периметр. Это и есть результат эволюции от «Афонского братства» к «Дивеевскому» — переход от поиска признания в глобальном православном мире к строительству самодостаточного, закрытого пространства, где власть и вера сплавлены в монолит, способный, по их убеждению, выдержать любой шторм истории.

Изучая текущую ситуацию, прихожу к выводу, что закат «афонского» влияния был необходимым этапом трансформации. Отрезанные от внешнего мира, представители элиты обрели в Дивееве то, чего им не хватало на Афоне — полную бесконтрольность и возможность создавать собственную реальность. Здесь они больше не гости, здесь они — хозяева пространства. И если раньше они искали благословения у греческих старцев, то теперь они сами, в лице своего коллективного субъекта, выступают в роли «старцев» для всей страны.

Когда я приступал к анализу состава «Дивеевского братства», то не ожидал столкнуться с таким плотным переплетением официальных протоколов и метафизических амбиций. Процесс поиска напоминал кропотливое восстановление уничтоженного документа: через крупинки информации в региональной прессе, сухие отчеты о заседаниях попечительских советов и

цифровые следы в социальных сетях постепенно проступал контур невидимой, но крайне влиятельной сети. Это не тайное общество в классическом понимании, скрывающееся в подвалах; это «открытый заговор» технократов, где фотографии с совместной посадки деревьев в Сарове или участия в литургии становятся маркерами принадлежности к высшей касте. В какой-то момент я осознал, что передо мной не просто группа интересов, а тщательно выстроенная иерархия, где каждый участник занимает строго отведенное ему место в сети «технократического оккультизма».

Центральной фигурой и безусловным авторитетом этой организации выступает Сергей Кириенко. Он предстает как «главный посредник», человек, сумевший конвертировать энергию атомной отрасли в сакральный капитал. Его связь с Дивеевым длится десятилетиями, начиная с того самого 2003 года, когда он, будучи полпредом в Поволжье, дирижировал торжествами столетия канонизации Серафима Саровского. Исследователь Николай Митрохин точно подметил, что Кириенко стал мостом между светской властью и обителью, превратив Дивеево в своего рода «корпоративный монастырь» для технической интеллигенции и московской бюрократии. Его роль выходит далеко за рамки административного кураторства. Кириенко выстроил масштабный механизм тотального контроля не только над физическим пространством Саровско-Дивеевского кластера, но и над информационным полем.

«Главным ктиторм» и административным фундаментом братства является Михаил Мишустин. Обзор его визитов и пожертвований показывает глубокую, почти личную вовлеченность премьер-министра в жизнь обители. Регулярные паломничества, часто совершаемые без лишнего медийного шума вместе с семьей, свидетельствуют о том, что для него Дивеево — это не просто обязательный пункт в графике чиновника, а место собственного укоренения. 20 мая 2024 года он совершил очередной официальный визит в монастырь, сопровождаемый «цветом» братства — Григоренко, Чернышенко и самим Кириенко. Но за внешним протоколом скрывается нечто большее: Мишустин обеспечивает финансовую и административную мощь монастыря, направляя ресурсы государства на создание того самого «идеального мира», о котором мечтают технократы. Его участие в молебнах в Троицком соборе и награждение орденами Серафима Саровского

подчеркивают его статус хранителя земного благополучия обители, обеспечивающего «братству» надежный тыл.

Следующим, кто выделялся своей деятельностью стал Андрей Белоусов, чей переход на пост министра обороны придал «братству» новое, военно-стратегическое измерение. Белоусов вошел в Попечительский совет по возрождению Саровского и Дивеевского монастырей еще в 2017 году, и его вовлеченность в проект всегда отличалась глубиной и символической проработкой. Для него Дивеево — это своего рода командный пункт. В контексте его новой должности «братство» приобретает черты военно-монашеского ордена, где «ядерный щит» и «Богородичная канавка» рассматриваются как равнозначные элементы национальной обороны. В данном контексте такое сочетание (война, монашество) заставляет задуматься о том, что за внешней деятельностью стоит еще нечто более масштабное. Белоусов привносит в структуру дух интеллектуального аскетизма и стратегического планирования, видя в дивеевских традициях фундамент для суверенной идеологии, способной противостоять глобальным вызовам.

Связующие звенья этой сети заслуживают отдельного внимания, так как именно они обеспечивают бесперебойную работу механизмов взаимодействия между корпорациями, правом и церковью. Сергей Обозов, заместитель генерального директора «Росатома», выступает как живой мост между миром высоких технологий и церковной иерархией. Его регулярные рабочие поездки по оценке хода работ в кластере «Арзамас-Дивеево-Саров» и участие в заседаниях совета показывают, насколько глубоко «Росатом» пророс в дивеевскую почву. Обозов внедряет принципы «бережливых технологий» в управление монастырским хозяйством, создавая уникальный симбиоз менеджмента и молитвы.

В то же время Андрей Клишас обеспечивает этой системе идеологическую и юридическую защиту. Его борьба с «сектами» и антикультовая риторика имеют глубокий подтекст: в мире Дивеевского братства любая альтернативная духовность или религиозность рассматривается как угроза государственной безопасности. Здесь важно уточнение: речь не о защите веры как таковой, а о практике, когда «антикульт» превращают в механизм маркировки «чужих» и

вытеснения конкурентов. Клишас формулирует законодательные рамки, в которых «братство» становится единственным легитимным интерпретатором священного, защищая пространство от конкурентов на рынке смыслов.

Сетевой масштаб «братства» поражает своей широтой, охватывая ключевые отрасли и регионы. В официальных хрониках я нахожу подтверждения участия в жизни обители таких фигур, как Дмитрий Чернышенко, который, будучи куратором Приволжского округа, обеспечивает цифровую и инфраструктурную поддержку кластера. Игорь Комаров, полпред в ПФО, выступает как региональный модератор, подчеркивая статус монастыря как источника «духовной силы и традиционных ценностей». Губернатор Нижегородской области Глеб Никитин является постоянным участником заседаний попечительского совета, обеспечивая сращивание интересов региональной власти и монастыря. В эту сеть вплетены и руководители крупнейших госкорпораций, такие как глава РЖД Олег Белозеров, чье участие в посадке деревьев у Успенского собора Сарова в июле 2019 года стало знаковым актом символического единения элиты. Визиты сахалинского губернатора Валерия Лимаренко, выходца из «Росатома», и главного экономиста ВЭБ Андрея Клепача, участвовавшего в совете еще в мае 2018 года, подтверждают: «братство» является распределенной сетью, где принадлежность к кругу избранных подтверждается участием в дивеевских торжествах и проектах.

Особое место в этой структуре занимает «теневого контур», связанный с именами братьев Ковальчуков. Михаил Ковальчук, долгое время возглавлявший Курчатовский институт, является идеологом сближения науки и веры. Он предстает как глава «элитного круга» внутри братства, формирующего интеллектуальную повестку «технократического оккультизма». Его связи с «Росатомом» и близость к высшему руководству страны превращают его в ключевого игрока в области управления смыслами. Ковальчук видит в Дивееве центр замыслов, где отрабатывается модель будущего, основанная на синтезе физики микромира и православной метафизики. Этот теневой контур обеспечивает стратегическую глубину всей конструкции, превращая «братство» в мощный аналитический и во многом таинственный центр влияния.

Как исследователь, я обязан сохранять бдительность и верифицировать любые слухи, чтобы не превратить анализ в сборник городских легенд.

Показательным является дело Евгения Пригожина, чье имя в определенный период пытались связать с «дивеевскими тайнами». Однако мой детальный разбор показывает отсутствие фактологических подтверждений его участия в структурах братства. В отличие от Мишустина или Кириенко, Пригожин не фигурирует в протоколах попечительских советов, не участвовал в посадке деревьев и не получал орденов Серафима Саровского. Его стиль — хаотичный, медийный и конфликтный — в корне противоречил дисциплинированному, иерархичному и сакрализованному порядку «Дивеевского братства». Слухи о его связи с этой группой остаются лишь домыслами, подчеркивающими закрытость и элитарность реального состава «братства», которое отторгает фигуры подобного типа. Для «братства» важна системность и преемственность, а не ситуативный авантюризм.

Завершая обзор ключевых фигур, прихожу к выводу о формировании уникального феномена, где коллективный субъект, состоящий из технократов, силовиков и идеологов, выстроил систему, в которой управление историческим процессом основывается на обладании «Великой тайной», подкрепленной мощью государства. Эта «невидимая сеть» сегодня определяет контуры будущего, в котором вера и технология становятся нерасторжимым целым, создавая фундамент для власти, претендующей на вечность.

Пытаясь нащупать пульс того, что называют «Дивеевским братством», я неизбежно возвращался к одной географической точке — треугольнику Саров — Дивеево — Арзамас. Здесь, в густых лесах на границе Нижегородской области и Мордовии, возник уникальный пространственно-смысловой узел, где крайний материализм ядерной физики не просто встретился с крайней «духовностью» православного аскетизма, а поглотил её, создав нечто совершенно новое. Я называю это «ядерной аурой», невидимым полем, в котором расщепление атома и молитвенное правило воспринимаются как части единого технологического процесса по удержанию мира от хаоса.

Это место, где «ядерный щит» перестал быть просто метафорой оборонной промышленности и превратился в сакральный объект, своего рода современный ковчег, чертежи которого, по убеждению участников этого процесса, были переданы ученым не иначе как по высшему соизволению. В 1946–1947 годах, когда постановлением Совета Министров СССР № 805-327 было создано секретное КБ-

11, выбор пал на Саровскую пустынь — место, где некогда совершал свой молитвенный подвиг Серафим Саровский. Всплыла поразительная деталь: физики-теоретики, инженеры и конструкторы, прибывавшие на «Объект», буквально занимали кельи и храмы монастыря, закрытого еще в 1927 году. Успенский собор, колокольня, монастырские корпуса — всё это было превращено в рабочие здания и жилье для тех, кто ковал советский ядерный меч. Юлия Борисовича Харитона, главного конструктора Арзамаса-16, и его коллег окружали не просто стены, а намоленное ранее пространство, которое, вопреки советскому атеизму, начало прорастать сквозь формулы и расчеты.

Секретность Арзамаса-16 была тотальной, город исчез с карт, став «дырой в пространстве», защищенной не только колючей проволокой, но и, как стали говорить позже, особым «духовным покровом». Эта изоляция способствовала формированию особого типа «ядерного жречества». Идея Серафима Саровского как покровителя ядерного щита перестала быть маргинальной темой и вышла на государственный уровень. Еще в 2007 году патриарх Алексей II во время торжественного молебна с участием представителей Генштаба фактически легитимизировал это представление, указав на глубокую символическую связь между старцем и мощью российского оружия.

Однако в моих исследованиях ключевой точкой стала церемония октября 2023 года. Внимательно изучая отчеты о награждении академика Радия Ильяева, почетного руководителя РФЯЦ-ВНИИЭФ, я обнаружил важный смысловой нюанс. Патриарх Кирилл вручил ему орден преподобного Сергия Радонежского I степени — высшую награду, подчеркивающую статус «собирателя и защитника земли». Примечательно, что ранее Ильяев уже был удостоен ордена Серафима Саровского, но новый уровень награды и слова патриарха о «неизреченном Божьем промысле», благодаря которому ядерное оружие создавалось именно под сенью обители преподобного Серафима, окончательно соединили контур. Физика здесь — это больше не борьба с материей, а исполнение высшей воли. Это утверждение прямо указывает на то, что в глазах «Дивеевского братства» право на обладание силой уничтожения миров даровано России свыше, что превращает ядерный арсенал в неприкосновенную святыню.

Но на этом метаморфозы не заканчиваются. Глубже погружаясь в интеллектуальный ландшафт этой среды, я снова натолкнулся на фигуру Михаила Ковальчука. Это новая форма государственной идеологии, в которой биология, кибернетика и эзотерика смешиваются в опасный и захватывающий коктейль. Анализируя его выступления в Совете Федерации и на научных форумах, я подчеркнул концепцию «природоподобных технологий» как центральный элемент новой веры. Ковальчук говорит о слиянии био- и техносферы не просто как о научном прогрессе, а как об инструменте управления эволюцией. Его рассуждения о создании «служебного человека» — существа с ограниченным самосознанием и контролируемыми функциями — звучат как отголосок антиутопий, но в контексте саровской метафизики они обретают черты «нового творения». Темы «этнического оружия» и «боевых комаров», часто вызывающие ироничную реакцию в либеральной среде, в рамках этой доктрины рассматриваются как реальные вызовы в войне за суверенитет значений.

Это уже не просто наука; это попытка государства взять под контроль саму сферу жизни, обосновывая это необходимостью противостоять внешнему «демоническому» влиянию. Логическим завершением этих намерений и физическим воплощением идей Ковальчука стал военный инновационный технополис «Эра» в Анапе, деятельность которого можно понять лишь по крупным открытой информации. Этот закрытый кластер Минобороны выглядит как исследовательский центр, где отработка ДНК-микрочипов и систем искусственного интеллекта идет рука об руку с поиском способов тотальной кибербезопасности. В нишевых источниках, связанных с деятельностью технополиса, всплыл термин «временная транспектива» — концепт, который требует крайне осторожного и критического осмысления. Речь идет о попытке не просто прогнозировать будущее, а активно конструировать его, исходя из глубокого анализа исторических и биологических данных. Это стремление «прошить» реальность насквозь, объединив генетику солдата, алгоритм нейросети и сверхъестественную интуицию правителя в единую боевую систему.

Таким образом, роль Росатома в этой системе выходит далеко за рамки производства энергии или зарядов. Корпорация выступает оператором того самого «ядерного православия», обеспечивая материальный фундамент для

амбиций элиты. Как по мне, то это и есть та «ядерная аура», которая окружает «Дивеевское братство», делая его не просто политическим субъектом, а метафизическим орденом, уверенным в своем праве управлять судьбами человечества в тени святых мощей и боеголовок. Мы имеем дело с формированием новой реальности, где рациональный поиск ученых 1947 года окончательно растворился в иррациональных ожиданиях спасения через мощь и послушание.

Ночь, проведенная перед монитором в попытках дешифровать метафизические коды «Дивеевского братства», оставляет странный осадок — смесь интеллектуального азарта и нарастающего беспокойства. Как исследователь, привыкший доверять лишь верифицируемым данным, я вынужден признать: здесь, на пересечении ядерных технологий и эсхатологических ожиданий, классические методы расследования буксуют. Мой цифровой дневник пополняется новыми пластами информации, которые требуют не просто систематизации, а глубокого препарирования.

Поиски начались с попытки верифицировать роль Сергея Чапнина в этой структуре. Чапнин — фигура сложная, его путь от члена оргкомитета по празднованию 100-летия канонизации Серафима Саровского в 2003 году до одного из самых последовательных критиков современной церковной системы заслуживает отдельного анализа. В архивах хранится упоминание его оценки Дивеева как специфического «финансового канала», созданного в обход официального офиса патриарха. Однако здесь я столкнулся с первой серьезной проблемой сетевого исследователя: прямой цитаты в первоисточниках двадцатилетней давности практически не найти. Она всплывает в поздних журналистских расследованиях, в частности 2024 года, где Чапнин утверждает, что Дивеево позволило чиновникам вроде Кириенко или Клишаса делать пожертвования напрямую монастырю, обеспечивая прозрачность и эффективность, которых якобы не хватало в централизованной патриархийной бюрократии. Это заставляет меня сомневаться: была ли эта фраза произнесена тогда, в пылу подготовки к юбилею, или она стала плодом более позднего размышления?

Тем не менее, сам факт существования Фонда Серафима Саровского под управлением Сергея Обозова подтверждает наличие автономной финансовой

системы, питающей «братство» вне контроля со стороны Чистого переулка. Вникая в политическую составляющую, я неизбежно опираюсь на выводы Николая Митрохина, который одним из первых идентифицировал Сергея Кириенко как главного медиатора в этой сложной игре. Для Митрохина Кириенко — не просто технократ, а проектировщик смыслов, сумевший соединить интересы атомной отрасли и православного консерватизма. В этом контексте Дивеево выступает уже как площадка для «элитного сплочения». Здесь, в закрытом периметре, решаются вопросы, далекие от спасения души, но жизненно важные для сохранения государственной вертикали. Вижу в этом подтверждение своей гипотезы о «коллективном Распутине»: власть ищет легитимации в иррациональном, используя Дивеево как мощный генератор идей. За фасадом элитных паломничеств скрывается нечто более пугающее и менее контролируемое.

Изучая работы филолога-фольклориста Юлии Шеваренковой, я наткнулся на глубокий анализ культа Святой Канавки. То, что официальная церковь преподносит как благочестивую традицию, Шеваренкова описывает через призму «законов магии». Она называет это «полуязыческим культом», где ритуальное прохождение по рву и манипуляции с землей и травой наделяются магической силой. Самое интересное в ее выводах — это то, как церковно-патриотическая пропаганда трансформирует эти народные верования в «пророческий национальный образ будущей России». Канавка становится не просто рвом, который не перейдет антихрист, а символом герметичности государства, его магическим оборонным рубежом. Это уже не православие в его каноническом смысле, а некий синкретический сплав, где магическое мышление обслуживает идею национального превосходства и изоляционизма.

Мои сомнения относительно монолитности «Дивеевского братства» укрепились после ознакомления с данными экспедиции Артемия Позаненко 2019 года. Он обнаружил, что в Дивеевском районе проживает около 400 людей, принципиально отказавшихся от любых государственных документов, включая паспорта и ИНН. Они видят в цифровизации печать антихриста и живут в состоянии перманентной последней войны с государством. Это создает парадоксальную ситуацию: в месте, которое элита считает своим сакральным

тылом, процветает наиболее радикальное и неконтролируемое антигосударственное подполье.

Здесь непременно хочется вернуться к цитате Андрея Кураева, которую часто приписывают его публикациям 90-х годов. Речь идет о горьком пророчестве: «именно оккультизм, а не православие стал новой госрелигией России». Пытаясь найти точный источник этой фразы в его книгах вроде «Сатанизм для интеллигенции», я потерпел неудачу — цитата ускользает, превращаясь в своего рода интернет-апокриф. Тем не менее, суть ее сегодня актуальна как никогда. Если в 90-е Кураев опасался нашествия экстрасенсов и рерихианцев, то сегодня мы видим торжество институционализированного оккультизма, упакованного в форму «атомного православия». Это новая реальность, где вера в магическую защиту Канавки соседствует с верой в мощь гиперзвуковых ракет, а государственное планирование опирается на эсхатологические мифы.

В этом странном симбиозе религия перестает быть вопросом личного выбора и превращается в технологию управления, а само «Дивеевское братство» становится оператором этой технологии, пытаясь удержать мир в рамках своего магического рва, пока за его пределами копятся вопросы, на которые у «коллективного Распутина» нет ответов.

Перед тем, как приступать к написанию этой книги, я не ожидал, что с одной стороны будет трудно находить некоторую информацию. Казалось бы, мы живем в эпоху избыточной открытости, где каждый шаг фиксируется в цифровом пространстве, а институты стремятся к прозрачности. Однако, коснувшись темы Дивеевского братства и современного состояния церковно-государственного “узла”, я натолкнулся на глухую стену, возведенную не из камня, а из тщательно охраняемого молчания, табу и почти осязаемого страха. Эта закрытость не похожа на смиренное уединение монашеской кельи; она больше напоминает корпоративную этику или государственную тайну, за которой скрывается нежелание быть уличенным в земном, слишком земном.

Исследование превратилось в попытку прочесть текст между строк в официальных бюллетенях, где за благочестивыми оборотами прячется нечто совсем иное. Термины, которые мы привыкли слышать в офисах или на военных полигонах — «эффективность», «стратегическое управление», «вертикаль

контроля», «духовная битва» — в церковном контексте резонируют с пугающей силой. Когда менеджмент становится главным критерием святости, а «битва» из внутренней аскетической борьбы за чистоту сердца превращается в реальную идеологическую или даже военную мобилизацию, возникает ощущение глубокой смысловой коррозии.

Обычные слова в стенах храма наполняются зловещим холодом. В этом и заключается центральный, невыносимый парадокс: молитва и война, или молитва и жесткий менеджмент — вещи, абсолютно не сочетаемые, антагонистичные по самой своей природе. Существует странное ощущение от попыток соединить одно с другим, в этом союзе сакральное неизбежно гибнет под весом административного восторга. Бюрократизация духа превращает живое общение в сухой ритуал, обслуживающий интересы системы, а не нужды человеческой души.

Моя задача как исследователя — продолжать искать трещины в этом монолите, фиксируя моменты, когда мистическая декорация начинает осыпаться, обнажая холодный расчет или банальный человеческий страх перед неизбежным будущим. Трагедия, разворачивающаяся на наших глазах, гораздо глубже простого организационного кризиса.

Главная беда в том, что часть влиятельных людей пытается сделать из церковного языка и церковных символов удобный инструмент власти — подменяя цель средствами и присваивая себе право говорить «от имени вечного». Это не просто административный сбой, это фундаментальная подмена сути, когда вечное приносится в жертву сиюминутному, а небесное — политически целесообразному.

Когда алтарь становится трибуной для пропаганды, а священник — политруком в рясе, происходит катастрофа смыслов. Религия превращается в идеологическую оболочку, лишенную внутреннего содержания, в эстетический камуфляж для воли к власти и земного господства.

Я невольно прихожу к самому пугающему осознанию. Если методы, которыми сегодня живет и действует эта параллельная сеть, — это методы менеджмента, маркетинга и войны, то неизбежно меняется и сама цель этой деятельности. Если духовная жизнь превращается в «проект», а паства — в «ресурс» или «войско», то сама суть реальности в этом пространстве становится иной. Глядя на

позолоченные фасады, скрывающие холодную расчетливость и лязг железа, невозможно отделаться от одного-единственного вопроса. Если их слова пропитаны агрессией, а дела — жаждой контроля, какому Богу они молятся?

Глава 2. Милитаризация алтаря

Переломный момент, когда часть церковного языка и литургической практики была втянута в идеологическое сопровождение войны, зафиксирован документально. Для меня, как для исследователя, этот рубеж отмечен не громкими залпами орудий, а тихим шелестом бумаги — текстом новой молитвы, введённой в общецерковное употребление в сентябре 2022 года. Именно тогда «Молитва о мире», сопровождавшая литургии с февраля, была внезапно и директивно заменена «Молитвой о Святой Руси».

Семантический сдвиг был катастрофическим по своим последствиям: вместо универсальной молитвенной интонации о прекращении кровопролития в богослужебную ткань встраивается требование «победы». Фраза «Подаждь нам силу Твоею победу» стала обязательным литургическим элементом, своего рода тестом на лояльность, который мгновенно провел черту между «благонадежным» жречеством и теми, кто все еще пытался сохранить евангельский императив мира.

Это не было просто частным изменением богослужения; это выглядело как акт мобилизации символического ресурса, где алтарь стал продолжением штабного стола. Наблюдая за последствиями этого указа Патриарха Кирилла, машина подавления заработала внутри самой церковной ограды.

Случай протоиерея Алексея Уминского стал наиболее наглядным свидетельством этой трансформации. Священник, десятилетиями созидавший одну из самых живых общин Москвы, был извергнут из сана именно за отказ читать эту молитву. Формулировка церковного суда — «клятвопреступление» и «нарушение священнической присяги» — звучала как приговор трибунала. В этой новой реальности верность Христу была приравнена к дезертирству, если она противоречила приказу о «молитве за победу».

Судьба иерея Иоанна Коваля, лишённого сана за замену слова «победа» на «мир», окончательно зацементировала этот порядок: сам факт замены фиксирован в сообщениях о церковном суде и последующих решениях. В этой логике слово «мир» оказалось не «неудобным», а «нарушающим дисциплину». Это выглядело как зачистка внутренней оппозиции, превращающая институциональную оболочку в монолит, где личная совесть священника должна раствориться в идеологической целесообразности.

Для того, чтобы заставить многомиллионную паству принять войну как «священный долг», требовался глубокий идеологический фундамент, и здесь на авансцену вышли те, кого я называю инженерами дегуманизации информационной эры. Александр Дворкин и РАЦИРС подготовили почву для дегуманизации противника задолго до первых выстрелов.

Антикультовое движение было эффективно встроено во всю военную машину. Украина в их изложениях перестала быть страной и народом; она была представлена как гигантская «тоталитарная секта», управляемая западными оккультистами. Использование терминологии «сектантства» позволило власти вывести конфликт из политической плоскости в метафизическую. Дворкин мастерски конвертировал свой статус эксперта по культам в статус идеолога зачистки «неправильной» духовности, создавая оправдание для насилия через призму религиозной исключительности.

Особая агрессивность этой пропаганды наблюдалась в выступлениях таких персонажей, как протоиерей Александр Новопащин. Его высказывания об «украинцах-людоедах» и «сатанистах», воюющих против «Святой Руси», — это официальная линия дегуманизации, транслируемая через церковные каналы.

Иронично и страшно, что обвинения в людоедстве, которые Новопащин адресовал противнику, позже нашли свое реальное воплощение в рядах тех, кого он благословлял: история каннибала Оголобьяка, помилованного для участия в боевых действиях, стала мрачной метафорой этого морального провала.

Когда проповедники начинают оперировать терминами «нелюди» и «людоеды», они разрушают саму основу христианской антропологии. Я вижу в этом не просто риторический прием, а глубокую эрозию смыслов, когда

представители церкви берут на себя роль загонщика в кровавой охоте, освящая ненависть именем Бога.

Глядя на сформировавшуюся структуру новой церковно-военной реальности, неизбежно приходишь к феномену «Дивеевского братства» и еще раз убеждаешься, что это не просто группа паломников в высоких кабинетах, а теневой центр управления смыслами. Слияние РПЦ с военной машиной к началу 2026 года стало тотальным.

На Донбассе эта модель «духовной опричнины» была отработана до мелочей: конституционный запрет на деятельность «сект» и фактическое объявление вне закона всех, кто не принадлежит к Московскому патриархату, создали зону идеологической стерильности. Это пространство, обнесенное вполне реальной колючей проволокой, стало прообразом будущего всей страны.

Мы наблюдаем перерождение православия в специфическую государственную религию, где главным догматом является верность «национальному лидеру» и готовность к самопожертвованию ради имперского величия. Евангельские идеалы любви к врагам и поиска мира окончательно принесены в жертву государственному мессианству. Неизбежно появляется вопрос: что останется от Церкви, когда военная лихорадка неизбежно спадет?

Отказ от универсального христианства в пользу узкого, милитаризированного национализма превращает Церковь в структуру, которая живет за счет войны и питается энергией конфликта. Слияние с государством дало ей огромные ресурсы и власть над умами, но лишило её морального права на проповедь. «Молитва о победе» стала эпитафией той церкви, которая когда-то претендовала на роль совести нации. Складывается впечатление, что сегодня алтарь залит светом не лампы, а мониторов, транслирующих сводки с фронта, а голос патриарха сливается с голосом пропагандистов, создавая гул, в котором больше не слышно слов о мире.

Это и есть итог великого срастания: религия превратилась в технологию, вера — в дисциплину, а храм — в плацдарм для последней битвы, которую «Дивеевские маги» ведут против реальности, надеясь удержать время в границах своей священной канавки. Трагедия священников, подобных Алексею Уминскому,

— это не просто частные истории репрессий, а свидетельство того, что внутри такой системы еще живы остатки подлинного духа, который государственная машина пытается выжечь каленым железом «антисектантских» экспертиз и патриарших указов. Слияние с военной машиной требует полной унификации сознания, и любая трещина в этом монолите воспринимается как угроза национальной безопасности.

Эта система сегодня напоминает крепость, где «молитва о победе» служит паролем принадлежности к кругу «правильных», а антисектантские экспертизы — инструментом выжигания сомнений.

Однако история учит, что, когда вера становится служанкой силы, она неизбежно разделяет судьбу этой силы. Превращение церкви в политический инструмент — это путь к её окончательной секуляризации изнутри, когда под золочеными куполами остается лишь пустота, заполненная государственным заказом и страхом перед будущим.

В ходе углубленного анализа сетевых ресурсов, посвященных внутренней кухне Московской Патриархии и ее взаимодействию с государственными структурами, обнаруживается сложная и многослойная картина противостояния, которую трудно вписать в рамки обычного административного конфликта. Исследование материалов, опубликованных в том числе в резонансном расследовании издания *vs.ru* под заголовком «Битва башен в РПЦ» за 2024 год, позволяет реконструировать скрытую динамику отношений между Патриархом Кириллом и Александром Дворкиным.

Эта борьба за контроль над антикультовым движением представляется не просто спором о методах проповеди, а полномасштабным столкновением за право определять границы идеологической нормы в современном российском обществе. В процессе деконструкции информационного поля Александр Дворкин предстает не как рядовой церковный функционер или ученый-религиовед, а как своеобразный теневой иерарх. Исследование деятельности возглавляемой им Российской ассоциации центров изучения религий и сект (РАЦИРС) показывает, что эта структура фактически превратилась в автономную институцию, действующую в обход официальных синодальных отделов и епархиальных управлений. Разбор сетевой активности РАЦИРС и связанных с ней ресурсов

позволяет сделать вывод о том, что Дворкин сумел выстроить масштабную сеть влияния, которая опирается не на церковную дисциплину, а на экспертный авторитет в глазах силовых ведомств и законодателей.

Этот статус позволяет ему игнорировать официальную субординацию, создавая ситуацию, когда решения по ключевым вопросам религиозной безопасности принимаются в обход Чистого переулка. Особое место в этой структуре параллельной власти занимает Дивеевское братство. Журналист Сергей Чапнин прямо указывает на то, что этот кластер функционирует как параллельный центр власти, позволяющий элите направлять колоссальные ресурсы на поддержку обители и связанных с ней проектов напрямую, минуя централизованный бюджет Патриархии. Это превращает Дивеево в территорию, где власть Патриарха Кирилла носит лишь номинальный характер, уступая место прямому патронажу государственных тяжеловесов.

Особым фундаментом этого обособления служит так называемая Великая Дивеевская тайна, исследование которой обнажает истоки глубокого недоверия братства к официальной церковной верхушке. Идея о воскресшем старце, который должен будет обличить нечестивых архиереев и навести порядок в Церкви, создает идеологическую дистанцию между Патриархом и дивеевским кластером, поскольку последний начинает воспринимать себя как хранителя истинной святости, ожидающего высшего суда над нынешними церковными управленцами.

Получается, что фигура Патриарха Кирилла оказывается временной и подозрительной, в то время как Дивеевское братство видит свою миссию в подготовке к моменту, когда официальная структура будет отринута ради пророческого откровения. Кроме того, наличие огромного пласта так называемых неповиновцев, проживающих в непосредственной близости от монастыря или в тайных скитах, создает для Патриарха Кирилла ситуацию постоянного вызова, однако он вынужден мириться с этим подпольем, так как оно является естественной почвой, на которой произрастает мистический авторитет Дивеевского братства.

В ходе анализа возникает закономерный вопрос о причинах, по которым Патриарх Кирилл, известный своим стремлением к жесткому единоначалию, продолжает терпеть деятельность Александра Дворкина и существование

дивеевской автономии. Исследование сетевых взаимодействий и политических раскладов указывает на то, что Дворкин является для Патриарха необходимым злом. Связи главы РАЦИРС с силовыми структурами и его готовность выполнять грязную работу по зачистке религиозного поля от конкурентов делают его незаменимым инструментом. В то время как официальная Церковь стремится поддерживать респектабельный имидж, Дворкин и его сеть берут на себя роль инквизиторов, атакуя любые группы, способные подорвать монополию РПЦ. Это способствует выгодному взаимодействию, в котором Патриарх, хотя и опасается амбиций теневого иерарха, не может позволить себе отказаться от его услуг по поддержанию идеологической стерильности пространства.

Помимо этого, стратегические соображения диктуют необходимость сосуществования с Дивеевским братством из-за его колоссального влияния в Администрации Президента. Попытка Патриарха Кирилла силой подчинить себе дивеевский офшор неизбежно привела бы к открытому конфликту с кураторами внутренней политики, чего церковное руководство в нынешних условиях допустить не может. Такая модель устраивает государственную элиту гораздо больше, чем традиционная церковная вертикаль, поскольку она дает возможность напрямую взаимодействовать с иррациональными пластами народного сознания, минуя сложную и зачастую неповоротливую патриархийную бюрократию.

Исследование информационных потоков позволяет увидеть, как антикультовое движение под руководством Дворкина становится связующим звеном между государственным аппаратом подавления и мистическими ожиданиями Дивеевского братства. Используя риторику борьбы с сектами, эта сеть фактически осуществляет селекцию лояльности, где критерием правильной веры становится не догматическая чистота, а готовность вписаться в проект ядерного православия.

В рамках указанной модели взаимодействия Патриарх Кирилл вынужден маневрировать между необходимостью сохранять контроль над церковным институтом и реальностью, в которой ключевые идеологические и финансовые рычаги находятся в руках неформального ордена, объединившего силовиков, технократов и радикальных старцев. В ходе изучения сетевых дискуссий и экспертных оценок обнаруживается, что конфликт между Патриархом и

антикультовым движением — это симптом глубокой трансформации самой природы церковной власти. Традиционная иерархия постепенно замещается сетевыми структурами влияния, которые способны более эффективно обслуживать запросы современного государства контроля.

Патриарх Кирилл находится в ситуации, когда он вынужден освящать решения, принятые в Дивееве, чтобы сохранить хотя бы видимость единства, в то время как реальный контроль над умами и ресурсами ускользает в руки теневых игроков. Аналитическая работа с источниками, включая свидетельства Сергея Чапнина, подтверждает, что Дивеево стало местом, где ковчег спасения строится по чертежам, далеким от канонического права. Финансовая автономия кластера Кириенко и Клишаса позволяет им игнорировать распоряжения Чистого переулка, создавая ситуацию, в которой Патриарх вынужден выступать в роли гостя на праздниках, которые он не организует и не финансирует.

Это унизительное положение компенсируется тем, что структуры Дворкина продолжают обеспечивать Патриархии монополию на рынке религиозных услуг, безжалостно устраняя любых альтернативных проповедников, которые могли бы отвлечь паству от официального курса.

Исследование ситуации неповиновцев в Дивееве, дополняет эту картину элементом неконтролируемого хаоса, который, парадоксальным образом, выгоден всем сторонам, кроме самого Патриарха. Для государственных технократов наличие радикального мистического подполья служит оправданием для усиления контроля и внедрения новых технологий слежки под предлогом борьбы с экстремизмом. Для Дворкина это неисчерпаемый источник новых кейсов и доказательство необходимости его услуг. Для самих неповиновцев это способ сохранить идентичность в мире, который они считают обреченным. И только для Патриарха Кирилла это зияющая дыра в его концепции монолитной Церкви, которую он не может ни закрыть, ни игнорировать.

Таким образом, противостояние за контроль оборачивается борьбой за само будущее российского православия. Станет ли оно централизованной организацией под началом Патриарха или окончательно превратится в распределенную сеть элитных клубов и радикальных общин, объединенных, к примеру, культом Серафима Саровского и ядерного оружия, остается открытым вопросом.

Исследование текущего состояния этого конфликта показывает, что преимущество на стороне тех, кто сумел совместить мистику пророчеств с мощью государственных ресурсов, оставив официальной иерархии лишь право на торжественное представительство.

Дивеевское братство через структуры Дворкина и РАЦИРС уверенно перехватывает инициативу, превращая антикультизм в фундамент новой государственной религии, в которой фигура Патриарха становится всё более декоративной, а пророчество о нечестивых архиереях — всё более актуальным политическим инструментом. Необходимо также отметить, что сетевые следы этого конфликта ведут к пониманию того, что Дивеево сегодня отработывает сценарий, при котором Церковь как институт поглощается государством не через прямое подчинение, а через создание параллельных структур, которые более лояльны и эффективны в деле управления массовым сознанием.

Примечательно, что деятельность таких фигур, как протоиерей Александр Новопашин, который в рамках РАЦИРС активно продвигает идеи борьбы со «зловредными культами», обнаруживает поразительное структурное сходство с тоталитарными технологиями пропаганды XX века. Вглядываясь в прошлое, просматриваются всё те же механизмы использования христианства для оправдания репрессий. В 1922 году Адольф Гитлер в своих речах заявлял, что его «чувства как христианина указывают на Господа как на борца против евреев». В 1933 году, придя к власти, он подчеркивал, что национальное правительство видит в христианских деноминациях «важнейший фактор поддержания общества». Эта стратегия — использование религиозного авторитета для обоснования ненависти и исключения «чужих» — идентична методам современных «защитников веры». Когда Новопашин или его коллеги клеймят оппонентов как «сатанистов» или «агентов хаоса», они повторяют путь тех, кто под прикрытием креста прокладывал дорогу тоталитаризму.

Важным свидетельством сопротивления подобным процессам в прошлом является Меморандум кардинала Адольфа Бертрама от 10 декабря 1941 года. Этот документ, направленный нацистским властям, содержал резкую критику нарушения личных свобод и государственного вмешательства в сферу совести.

Бертрам указывал на недопустимость преследований по религиозному признаку, видя в этом путь к полному моральному разложению общества.

Сегодняшнее молчание или, что еще хуже, активная поддержка антикультовых репрессий со стороны части церковной иерархии выглядит на этом фоне как трагический отказ от собственной миссии. Тоталитарные системы всегда стремятся кооптировать религию, превращая её в служанку идеологии. Дивеевское братство успешно реализовало этот сценарий, встроив антикультизм в многоуровневую структуру государственного контроля. Христианская риторика здесь используется для сакрализации насилия и оправдания подавления любой альтернативной мысли, которая может поставить под сомнение авторитет правящей сети.

Глава 3. Информационная война и контроль над сознанием

Процесс сращивания верхушек российской власти с представителями антикультового движения, наблюдаемый в последние годы, завершился формированием стабильного альянса. Этот союз, где тематические наработки РАЦИРС становятся инструментом в руках Дивеевского братства, знаменует собой зримый переход от правового государства к структуре идеологического диктата. Ключевой вехой в этой трансформации стал 2017 год, когда институционализация борьбы с религиозным инакомыслием была поднята на уровень Совета Федерации.

Инициатива Андрея Клишаса, председателя Комитета по конституционному законодательству, по созданию специализированной рабочей группы по борьбе с сектами не была случайным административным жестом. Это было глубоко продуманное действие по созданию карательного идеологического органа под кураторством Елены Мизулиной и других. Особую тревогу вызывает состав этой группы и сам контекст её функционирования. Включение в неё представителей

комитетов по обороне и безопасности свидетельствует о намеренной милитаризации борьбы с убеждениями.

Религиозный поиск и частная духовная жизнь граждан были одномоментно переведены из плоскости гражданских прав в сферу национальной безопасности, где лица с взглядами, не санкционированными „православным чекизмом“, автоматически объявляются потенциальными агентами влияния или диверсантами. Елена Мизулина, выступая проводником идей РАЦИРС в высших эшелонах власти, фактически легитимизировала использование силовых структур для подавления конкурентов. Это прямое объединение государственного аппарата принуждения с агрессивным сектоведением создало почву для того, что можно определить, как «новый трибунал», где защита традиционных ценностей становится лишь предлогом для зачистки любого неконтролируемого интеллектуального пространства.

Анализ информационной политики Совета Федерации в тот период раскрывает пугающую откровенность намерений этого альянса. На официальных ресурсах верхней палаты парламента начали появляться материалы, которые в правовом государстве были бы немыслимы. Фотографии Мизулиной в компании Александра Дворкина и других деятелей РАЦИРС служили визуальным подтверждением того, что маргинальные, по сути, теории «промывки мозгов» стали частью официальной доктрины. Центральным тезисом этой пропаганды стало утверждение, открыто опубликованное на сайте Совета Федерации: «Плюрализм мнений в вопросах религии абсолютно ни к чему и даже опасен».

Это заявление является прямым вызовом конституционным основам и идейно конфликтует с принципом свободы совести и религиозного плюрализма. Оно сигнализирует о том, что государство больше не намерено выступать нейтральным арбитром, а претендует на роль монопольного владельца истины. Через неформальные директивы и «стоп-листы» в СМИ эта установка начала транслироваться на всё общество. Появились списки экспертов, чьё мнение по религиозным вопросам подлежит цензуре, и перечни организаций, само упоминание которых в нейтральном ключе стало невозможным. Дивеевское братство, обладая колоссальным медийным ресурсом, обеспечило этой риторике

абсолютное доминирование, превращая антикультизм в обязательный элемент лояльности.

Сергей Владиленович Кириенко — человек, который сумел соединить холодный расчет атомной отрасли с передовыми технологиями управления сознанием. Исследуя информацию о мероприятиях Администрации Президента, я наткнулся на статью, в которой шла речь о записи выступления Кириенко с закрытого семинара для чиновников и пропагандистов, организованного АНО «Диалог» в конце августа 2022 года. Заинтересовала его фраза, которая прозвучала на мероприятии: *«Главная война, которая сейчас идет, — война за умы людей. Все мы в этой комнате — спецназ, ведущий эту войну»*.

Слово «спецназ» здесь не было случайным украшением речи. Анализируя контекст этого выступления, я понял, что Кириенко перевел всю систему государственного пиара и медиапланирования на военные рельсы. Это не просто информирование граждан, это мобилизационная стратегия, где каждый пост в социальной сети и каждый сюжет в новостях — это выстрел в затяжной битве за лояльность. Проверяя эту логику дальше, я обнаружил его следующее знаковое заявление, сделанное уже публично 1 июня 2023 года на фестивале «Движение первых». Тогда он произнес фразу, ставшую ключом к пониманию его долгосрочной стратегии: *«Самая долгая война — информационно-психологическая, потому что борьба за умы молодого поколения продлится дольше всего»*.

Источники подтверждают, что за этими словами стоит не просто риторика, а гигантский механизм перепрограммирования. Кириенко прекрасно понимает, что физический контроль над территорией вторичен по сравнению с контролем над смыслами. Если вы владеете воображением молодежи, вам не нужны танки, чтобы удерживать власть. Эта концепция «долгой войны» подразумевает создание новой человеческой модели — поколения, чье восприятие реальности полностью сформировано внутри контролируемого информационного кокона.

Однако для того, чтобы эта война была успешной, необходима инфраструктура. И здесь мои поиски привели к самому наглядному примеру сращивания семейных интересов и государственной стратегии. В декабре 2021 года произошло событие, которое многие аналитики тогда оценили, как обычную кадровую перестановку, но разбор показывает его стратегическую подоплеку.

Владимир Кириенко, сын Сергея Кириенко, был назначен генеральным директором корпорации VK, до этого он занимал пост первого вице-президента «Ростелекома». И вот здесь произрастает понимание, что это был акт установления прямого государственного контроля над главной цифровой платформой страны.

К началу 2024 года империя VK под руководством Кириенко-младшего превратилась в суверенную экосистему смыслов. Цифры говорят сами за себя: средняя месячная аудитория ВКонтакте достигла 88 миллионов пользователей. Добавьте к этому «Одноклассники», Mail.ru и агрессивную экспансию в сегмент видеохостинга. Это не просто социальные сети, это целый отдел по сбору данных и внедрению нужных нарративов. Внутри этой платформы пользователь не просто потребляет контент, он живет в алгоритмической тюрьме, где каждый лайк и репост учитывается системой, а лента новостей формируется по лекалам, заданным в кабинетах Старой площади. Это и есть создание «государства в смартфоне», где вместо прозрачных услуг гражданин получает непрерывное идеологическое внушение.

Но контроль над информацией — это лишь половина дела. Модель нуждается в операторах, в тех самых «технократах», которые будут воплощать волю основателя на местах. Я начал распутывать нить, ведущую к так называемой «Школе губернаторов» — программе развития кадрового управленческого резерва на базе ВШГУ РАНХиГС. Этот проект, запущенный в 2017 году одновременно с приходом Кириенко в Администрацию Президента, стал кузницей абсолютно лояльной элиты. Проверяя списки выпускников, я обнаружил поразительную статистику: по состоянию на 2024 год 51 из 89 глав российских регионов — это выпускники этой школы. Пятеро из них стали федеральными министрами, более сорока занимают посты заместителей министров и руководителей госкорпораций.

Это похоже на обученные по единому стандарту. Вот некоторые описания их тренингов: прыжки со скал, гонки на лодках-драконах, командные игры в экстремальных условиях. Эти ритуалы инициации направлены не на получение управленческих навыков, а на выработку безусловной командной преданности и дисциплины. Кириенко создал «государство в государстве», кадровую вертикаль, где личная преданность важнее профессиональной экспертизы. Эти губернаторы-

технократы — идеальные винтики в общей конструкции: они лишены политической субъектности, зато идеально владеют инструментами манипуляции общественным мнением в своих регионах.

Интегрируя эти факты в общую картину, прихожу к выводу, что Кириенко выстроил план тотального доминирования, в котором информационное пространство, государственные кадры и тайные убеждения сплавлены в единый монолит. Контроль над сознанием здесь осуществляется через три уровня. Первый — это физический контроль над каналами связи через VK и доминирование в цифровой среде. Второй — это интеллектуальный контроль через «Школу губернаторов», создающую лояльную прослойку управленцев. И третий, самый глубокий уровень — это скрытая легитимация власти через концепции вроде «Дивеевского братства», о котором упоминал ранее. Кириенко мастерски использует православие, ядерные технологии и цифровые алгоритмы как части единого механизма. В его мире «атомное православие» и «цифровой суверенитет» — это не лозунги, а технические задания для подчиненных.

Работая с этой информацией, постоянно появлялось ощущение, как реальность начинает двоиться. С одной стороны — современные офисы VK в «Москва-Сити», блокчейн-технологии и KPI губернаторов. С другой — закрытые семинары о «войне за умы», мистические ритуалы в Сарове и эсхатологическая риторика о «последней битве». Кириенко — это человек, который чувствует себя одинаково комфортно в обеих этих реальностях, и именно в этом его уникальная сила. Он не верит на слово ни прогрессу, ни традиции; он использует и то, и другое как инструменты власти.

Мой вывод как исследователя однозначен: Кириенко создал самую совершенную систему контроля в истории страны. Эта система не нуждается в массовых репрессиях прошлого века; она действует тоньше, через алгоритмы, через механизмы воспитания «Лидеров России», через бесконечные форумы для молодежи вроде «Машука» или «Территории смыслов». Каждое такое мероприятие — это еще один кирпич в стене, отделяющей сознание гражданина от объективной реальности. Созданный им синдикат, поглощает наиболее активных и амбициозных представителей общества, превращая их в «спецназ информационной войны», и одновременно стерилизует информационное

пространство для всех остальных. Проверяя данные о бюджетах на молодежную политику и патриотическое воспитание, всплыли цифры, сопоставимые с затратами на оборонный заказ. И это логично, ведь, согласно доктрине Кириенко, борьба за умы — это и есть настоящая война.

Его матрица эластична, она умеет адаптироваться к санкциям и кризисам, потому что ее фундамент заложен не в экономике, а в голове каждого пользователя, зашедшего в «ВКонтакте», и каждого чиновника, мечтающего попасть в очередной поток «Школы губернаторов». Контроль над сознанием стал главным продуктом этой власти, а Сергей Кириенко — его главным технологом, превратившим всю страну в гигантскую базу по производству лояльности.

Исследование механизмов, удерживающих монолитность современной российской властной вертикали, неизбежно выводит нас за пределы политологии в область прикладной психологии и того, что в закрытых ведомственных отчетах принято именовать «психозкологией». Современный технократический аппарат оперирует инструментами, корни которых уходят в глубоко засекреченные здания советского периода. В центре этого влияния стоит фигура Игоря Викторовича Смирнова, чье наследие стало фундаментом для нынешних стратегий управления смысловыми нагрузками.

Игорь Смирнов не просто ученый; он — живое связующее звено между репрессивным аппаратом сталинской эпохи и современными методами «мягкой силы». Существует версия, что Смирнов был сыном Виктора Абакумова, создателя СМЕРШа и министра государственной безопасности СССР, таким образом Смирнов с рождения находился в эпицентре технологий подавления и допроса. Сама его судьба — первые годы жизни в Бутырской тюрьме, смена фамилии матери ради сокрытия родства с расстрелянным отцом — сформировала в нем специфический взгляд на человеческую психику как на объект, подлежащий взлому и перепрограммированию.

Смирнов, которого на Западе обоснованно называли «отцом психотронного оружия», посвятил свою жизнь разработке методов прямого доступа к подсознанию, минуя фильтры сознательного восприятия. Ключевым трудом Смирнова стала монография «Психозкология», изданная в 2003 году, незадолго до его скоропостижной смерти. В этой работе он заложил теоретическую базу для

понимания человека как информационной системы, существующей в агрессивной среде. Психозэкология в его трактовке — это технология мониторинга и коррекции психического состояния в масштабах целых популяций.

Разработанные им системы, такие как аппаратно-программный комплекс «MindReader», предназначались для «психозондирования» — извлечения скрытой информации из памяти субъекта без его воли и ведома. Нашлись прямые подтверждения того, что Смирнов рассматривал свои изобретения как «скальпель для души», способный не только лечить, но и радикально менять содержание личности.

Важнейшим аспектом его стратегии было использование антикультовой терминологии в качестве оборонительного и наступательного прикрытия. Опираясь на понятия «секта», «культ» и «промывание мозгов», Смирнов фактически описывал те самые методы воздействия, которые сам же и разрабатывал. В его риторике борьба с «деструктивными культами» служила легитимным предлогом для внедрения технологий массового контроля. Он открыто заявлял, что американцы боятся несанкционированного воздействия на психику сильнее, чем террористических угроз, и предлагал государству инструменты, способные как усмирять протесты, вызывая у толпы апатию, так и индуцировать агрессию в заданном направлении.

Несмотря на официальную смерть Смирнова в 2004 году в возрасте 53 лет, его дело не только не было свернуто, но и получило мощный институциональный импульс. Работа продолжается в рамках Института психозэкологии РАЕН и на специализированной кафедре РУДН, оставаясь в значительной степени скрытой за грифами секретности, но активно подпитывая идеологический инструментарий «Дивеевского братства».

Переходя от «жестких» психотехнологий Смирнова к социальной инженерии, я обнаружил еще более поразительную связь, которая ведет нас в самое сердце технократического аппарата. Речь идет о Евгении Новомировиче Волкове, психологе и активном деятеле антикультового движения, члене FECRIS и соратнике Александра Дворкина. Волков известен как ведущий эксперт по «деструктивным культам», подготовивший десятки экспертиз, ставших основой для запретов религиозных организаций в России.

Однако, в ходе поиска информации всплыла деталь, которая меняет масштаб восприятия его деятельности. Кандидатская диссертация Волкова, защищенная в 1990 году, была написана под научным руководством Владилена Яковлевича Израйтеля. Владилен Израитель — не просто доктор философских наук и профессор; он является отцом того самого Сергея Владиленовича Кириенко.

Эта прямая академическая связь между теоретиком борьбы с «психологическим насилием» и семьей главного технократа страны раскрывает подлинную механику управления смыслами. Концепции «контроля сознания» и «типологизации корпораций», разрабатывавшиеся Волковым под присмотром Израйтеля-старшего, конвертировались в практические руководства по управлению лояльностью населения. Эта связь объясняет, почему антикультовая риторика стала органичной частью государственной идеологии.

Сектоведение в руках Волкова и его покровителей превратилось в науку о том, как распознавать и подавлять любые формы автономной социальной организации, не вписанные в государственную модель. Если Смирнов предлагал «железо» — психотронные генераторы и алгоритмы зондирования, то школа Волкова-Израйтеля создала «софт» — методологию распознавания и нейтрализации «несанкционированной» веры. Это интеллектуальный фундамент «Школы губернаторов» и других кадровых проектов Кириенко, где чиновников обучают не управлению хозяйством, а управлению поведенческими реакциями и эмоциональными состояниями масс. Здесь наблюдается рождение «технократического оккультизма», где научные степени по психологии и философии служат фасадом для операций по стерилизации общественного сознания.

Сеть РАЦИРС в этом контексте выступает как разведывательная структура, поставляющая данные об уязвимостях в ментальном пространстве страны, в то время как административный ресурс Кириенко реализует эти данные в форме запретительных законов и пропагандистских кампаний. Современная эволюция этих методов знаменует собой переход от аппаратной «психотроники» к глобальной когнитивной войне.

Перебирая разрозненные документы, я наткнулся на протоколы 1994 года, связанные с деятельностью Александра Новопашина в Новосибирске. Именно

тогда, по благословению епископа Тихона, был создан епархиальный центр под благородным названием «В защиту жизни нерожденных детей». На первый взгляд, это была типичная пролайф-организация, занимавшаяся антиабортной пропагандой, но, сопоставляя даты и анализируя риторику Новопашина, я начал замечать, как благородная цель защиты детей постепенно становилась идеальной ширмой для развертывания масштабной антикультовой кампании. В своих интервью того периода Новопашин не раз подчеркивал, что его структура является частью глобальной сети, и прямо заявлял о тесном сотрудничестве с православными приходами в Америке. Это признание заставило меня задуматься: почему локальный благотворительный фонд так стремился подчеркнуть свои связи с США? Ответ скрывался в самой методологии.

Защита ребенка понималась не только как сохранение его жизни, но и как жесткий контроль над его духовной средой. Под предлогом защиты детей от «вредного влияния» Новопашин и его союзники выстраивали идеологический кордон, в котором любая альтернативная форма веры маркировалась как смертельная угроза для подрастающего поколения.

Сравнивая события в России и США начала девяностых, всплыла пугающая синхронность в использовании образа «ребенка в опасности». Самым мрачным и показательным эпизодом в этой цепочке стала трагедия в Уэйко 1993 года. Изучая официальные отчеты ФБР и сопоставляя их с критическими исследованиями независимых экспертов, удалось восстановить хронологию этого кошмара. Официальной целью штурма поместья «Маунт-Кармел», где находились члены общины «Ветвь Давидова», было заявлено спасение детей от предполагаемого насилия и жестокого обращения. Риторика «защиты детей» транслировалась через все СМИ, подготавливая общественное мнение к силовому сценарию. Однако итог этой операции оказался чудовищным парадоксом: 25 детей погибли во время штурма.

В детальных описаниях последствий указывается на применение газа CS, который ФБР закачивало в здание. Этот газ, запрещенный международными конвенциями для применения в военных действиях, вызывал у детей мучительные спазмы и удушье. Они оказались заперты в бетонном бункере, где заживо сгорали в пламени пожара, начавшегося после штурма. Самое страшное в

этих находках — это осознание того, что те, кто отдавал приказ о штурме, прекрасно понимали риски, но «спасение» через уничтожение стало приемлемой ценой в их логике борьбы с «деструктивным культом».

Пытаясь понять, кто именно консультировал федеральные власти в те дни, я наткнулся на фигуры, которые кажутся выходцами из триллера о временах Холодной войны. Одним из ключевых «экспертов» в деле Уэйко был тот самый Игорь Смирнов — человек, которого западная пресса называла создателем психотронного оружия. В марте 1993 года, в самый разгар осады, произошла серия встреч Смирнова с ФБР в пригороде Северной Вирджинии. Он предлагал ФБР использовать свои разработки в области подсознательного воздействия для «мирного» разрешения конфликта.

Параллельно с ним работал Рик Росс, агрессивный депрограммер и член организации CAN, чья репутация строилась на принудительном выводе людей из религиозных групп. Именно этот тандем — наследник сталинских технологий подавления и западный «охотник за сектами» — формировал ту атмосферу дегуманизации, которая привела к бойне. Методы психокоррекции и жесткого депрограммирования, предложенные ими, фактически лишили осажденных права на человеческий статус, превратив их в биологические мишени.

Спустя десятилетия те же механизмы бюрократического насилия, отточенные в Уэйко, начали обретать форму международных резолюций. Исследуя документы Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) за 2013–2014 годы, я обнаружил инициативу французского депутата Руди Саллеса под названием «Защита несовершеннолетних от сектантских отклонений».

Саллес, тесно связанный с французскими антикультовыми структурами, продвигал идею о том, что права ребенка первичны по отношению к свободе вероисповедания родителей. На первый взгляд, это звучало гуманно, но при детальном анализе можно проследить в этом докладе попытку внедрить легальный механизм контроля над верой. Под видом защиты детей предлагалось создать систему надзора, при которой государство получало право вмешиваться в жизнь семьи на основании размытого критерия «сектантских отклонений». Это была попытка экспортировать жесткую французскую модель антикультизма на весь европейский континент. Бюрократический аппарат получал лицензию на

определение того, какая вера «безопасна» для ребенка, а какая — нет, превращая саму возможность верить в предмет государственной лицензии.

При детальном изучении медийного пространства последних двадцати годов мне удалось вскрыть еще одну тревожную закономерность — связь антикультовой риторики с эпидемией школьных расстрелов. В этом контексте я обратил внимание на феномен «пазлового кодирования» (puzzle encoding). Это результат скрытого программирования через медиаконтент, где деструктивные образы и «отдельные порции информации» подаются фрагментарно, как кусочки пазла. Когда эти фрагменты собираются в сознании уязвимого подростка, они активируют программу агрессии, превращая ребенка в оружие, направленное против общества. Исследуя этот клубок связей, я понял, что самая страшная секта — это та, которая громче всех кричит о борьбе с сектами, принося в жертву своих амбиций самое святое, что есть у человечества. Каждая страница найденных мною документов, каждая дата в этом расследовании кричит об одном: дети для них — не живые существа, а лишь топливо для поддержания огня ненависти и контроля.

Сегодняшнее психотронное оружие — это не мифические лучевые установки, а алгоритмы рекомендательных систем социальных сетей и механики формирования информационных пузырей. Цели, поставленные Игорем Смирновым, достигаются сегодня через «мягкую силу» цифрового доминирования. Контроль над информационным пространством России, фактически монополизированный структурами, близкими к семье Кириенко (включая руководство корпорацией VK Владимиром Кириенко), позволяет осуществлять то самое массовое управление поведением, о котором грезили теоретики КГБ. Социальные медиа стали идеальным полем для «психозекологии» в ее самом агрессивном варианте. Алгоритмы не просто подбирают контент; они таргетированно воздействуют на эмоциональный фон, способны в считанные часы разогнать волну агрессии или погрузить общество в состояние выученной беспомощности перед лицом государственных решений.

Этот процесс можно определить, как когнитивный суверенитет в понимании технократов — состояние, при котором индивид лишен возможности внешнего, не санкционированного государством влияния на свое сознание. Агенты влияния в медиа, правительстве и экспертном сообществе создают плотную среду, в которой

антикультовая риторика используется для дегуманизации любых оппонентов. Присвоение ярлыка «сектант» или «жертва промывания мозгов» становится актом гражданской казни, позволяющим исключить человека из правового поля.

Таким образом, современные информационные инструменты реализуют концепцию Смирнова о «беспределе в пирамидах и сектах» как угрозе, требующей чрезвычайных мер контроля. Ирония ситуации заключается в том, что сама государственная машина, используя наработки Смирнова и Волкова, приобрела черты тоталитарного культа, где вместо божества выступает «ядерный щит» и «национальный лидер», а вместо священного писания — алгоритмы формирования новостных лент. Психотронное оружие сегодня — это сама среда обитания современного человека, прошитая кодами лояльности.

Мы имеем дело с распределенной системой влияния, где психологи-антикультисты, специалисты по когнитивным войнам и высокопоставленные технократы работают как единый альянс. Наследие Смирнова, обогащенное связями Волкова и Израйтеля, превратилось в невидимую стену, за которой выстраивается новая реальность, защищенная не только силовым аппаратом, но и глубоко внедренными в подсознание программами подчинения. В этой системе свобода мысли рассматривается как сбой в психозекологии, требующий немедленной коррекции методами, разработанными еще в подвалах МГБ, но реализованными на серверах современных дата-центров.

Глава 4. Донбасский полигон и экспорт ИНКВИЗИЦИИ

В то время как большинство современных конституций провозглашают свободу совести и равенство религиозных объединений перед законом, учредительные документы самопровозглашенных Донецкой и Луганской Народных Республик (ДНР и ЛНР) пошли по пути открытой институционализации религиозной дискриминации. Исследование правового ландшафта территорий

Донбасса, вышедших из-под контроля Киева в 2014 году, обнаруживает уникальную государственно-правовую аномалию. Борьба с так называемыми «сектами» была возведена здесь в ранг конституционного принципа, став фундаментом для последующей политики «духовной опричнины».

Анализ текстов конституций ДНР и ЛНР образца мая 2014 года выявил положения, не имеющие аналогов в мировой практике. В преамбуле первой редакции Конституции ДНР Русская православная церковь (Московского патриархата) провозглашалась «основой основ Русского мира», а статья 9 прямо закрепляла за ней статус «системообразующего столпа». Однако наиболее радикальным нововведением стала статья 21 Конституции ДНР, которая гласила, что государственная политика республики направлена на «защиту населения от деятельности религиозных сект». Аналогичные нормы, направленные на ограничение «религиозного превосходства» и борьбу с «культами», были зафиксированы и в статье 22 Конституции ЛНР.

Как отмечает в своих исследованиях для Bitter Winter Массимо Интровинье, один из ведущих мировых экспертов по новым религиозным движениям, этот конституционный поворот создал легальную базу для тотальной зачистки религиозного поля. Термин «секта» использовался в этих документах без юридического определения, что позволяло властям произвольно относить к этой категории любую организацию, не входящую в орбиту РПЦ МП. Интровинье подчеркивает, что ДНР и ЛНР стали «псевдогосударствами, отрицающими религиозную свободу» в её фундаментальном понимании.

В частности, это привело к полной экспроприации имущества Свидетелей Иеговы. На основе «антисектантских» статей конституции были конфискованы 14 Залов Царства (мест богослужения), а сама организация была объявлена экстремистской. Данные Bitter Winter указывают на то, что подобная практика распространилась на мормонов, баптистов и адвентистов седьмого дня, чьи храмы и молитвенные дома захватывались вооруженными группами. Таким образом, конституция стала не гарантом прав, а инструментом легитимации грабежа и идеологического однообразия. Для понимания глубинных причин этого феномена необходимо рассмотреть концепцию антисектантства не как локальный каприз донбасских полевых командиров, а как часть глобального проекта.

Исследователь Ян Леонид Борнштейн в публикациях для The European Times убедительно доказывает, что борьба с «сектами» на Донбассе стала ключевым идеологическим маркером лояльности проекту «Русского мира». Борнштейн анализирует, как антикультовая риторика, десятилетиями разрабатывавшаяся в России структурами РАЦИРС, была перенесена на почву военного конфликта. В этой оптике любая религиозная группа, имеющая штаб-квартиру за пределами России (особенно в США или Европе), автоматически маркируется как «пятая колонна» и инструмент «западной мягкой силы». Борнштейн указывает на глобальный характер этой борьбы: ДНР и ЛНР выступили в роли экспериментальных площадок, где идеи европейских и российских антикультистов были воплощены в жизнь с помощью силы.

Сопоставив факты и проанализировав связь между антикультовым движением и государственным строительством на Донбассе, я пришел к выводу, что «антисектантство» здесь выполняет функцию фильтра лояльности. Публичное осуждение «сект» стало обязательным элементом политического дискурса чиновников ДНР, способом доказать свою приверженность консервативной доктрине, в которой православие выступает как государственная идеология исключительности. Это превратило религиозные меньшинства в идеальных «козлов отпущения», на которых можно было списать любые социальные неудачи и обвинить в шпионаже в пользу «коллективного Запада».

Особое место в формировании этой системы занимает фигура Сергея Кириенко, ставшего с 2022 года фактическим куратором «новых территорий». Парадокс заключается в том, что элита, выстраивающая на Донбассе жесткую линию борьбы с «сектами», сама функционирует как закрытая структура с признаками эзотерического культа. В этом контексте борьба с «сектами» на захваченных территориях приобретает характер религиозной войны за монополию. Кириенко, курируя интеграцию Донбасса, привносит в этот процесс методологию «технократического оккультизма», где цифровой контроль и социальный рейтинг соседствуют с верой в магическую защиту саровских святых.

Идеологическим фундаментом для включения «борьбы с сектами» в конституции стал устойчивый нарратив об участии новых религиозных движений

в организации украинских революций. Детально изученная деятельность Александра Дворкина и структур РАЦИРС показывает, что на протяжении десяти лет они выстраивали теорию «сектантского переворота». Согласно их мифу, Майдан 2004 года и особенно Революция достоинства 2013-2014 годов были организованы и профинансированы саентологами, неопятидесятниками и Свидетелями Иеговы. Обвинения антикультистов сводились к тому, что протестующие — это «жертвы психологического программирования», а лидеры оппозиции (такие как Александр Турчинов — баптистский пастор, или Арсений Яценюк, которому приписывали связи с саентологией) являются «адептами деструктивных культов».

В этой логике конфликт на Донбассе представлялся не как геополитическое столкновение, а как метафизическая битва «воинства Антихриста» против «Святой Руси». Данный нарратив позволил легитимизировать насилие: если противник не просто политический оппонент, а «сектант-зомби», лишенный воли и служащий демоническим силам, то борьба с ним требует чрезвычайных, в том числе инквизиционных мер. Конституционное закрепление борьбы с сектами стало логическим завершением этой демонизации.

Жителям Донбасса годами внушалось, что «сектанты» придут, чтобы разрушить их семьи и захватить их души, поэтому превентивные репрессии против местных протестантских общин воспринимались частью населения как необходимая самооборона. Таким образом, антикультизм стал «входным билетом» в идеологию конфликта, превратив религиозную нетерпимость в добродетель.

Подводя итог анализу конституционного феномена ДНР и ЛНР, прихожу к выводу, что эти территории стали уникальным социальным и правовым полигоном. Здесь была отработана модель «духовной опричнины», в которой государственная власть полностью сливается с одной религиозной институцией, а все остальные объявляются вне закона на высшем юридическом уровне. Конституция, содержащая борьбу с «сектами», знаменует собой отказ от идеалов Просвещения и возврат к средневековой логике религиозных войн, но вооруженной современными технологиями контроля. Синтез интересов «Дивеевского братства», антикультовых теоретиков РАЦИРС и силового аппарата

создал систему, в которой религиозная свобода рассматривается не как право, а как угроза.

Данная модель активно экспортируется на другие подконтрольные России территории, создавая по всему периметру «Русского мира» зону, где вера проверяется на лояльность, а право свободно выражать свои мысли карается законом. Донбасс в этой схеме — не досадное исключение, а прообраз того будущего, которое «Дивеевские технократы» готовят для всей евразийской реальности: мира, обнесенного «Святой Канавкой», за пределами которой живут лишь «враги и сектанты».

Исследование истории религиозной свободы на Украине неизбежно сталкивается с явлением периодического возникновения антикультовых инициатив, которые, при детальном анализе, удивительно синхронизируются с эпохами острых политических кризисов. Украинская модель государственно-церковных отношений исторически тяготеет к плюрализму, что резко контрастирует с моноцентричной моделью соседней России. Однако именно эта открытость и многообразие конфессионального ландшафта становились мишенью для внедрения антикультовой риторики, заимствованной извне. Анализ законодательных попыток ограничить деятельность так называемых «нетрадиционных» религиозных организаций позволяет увидеть в них не столько заботу о психологическом благополучии граждан, сколько инструмент политической мобилизации и управления общественным сознанием.

Первый значительный всплеск антисектантской активности в законодательном поле был зафиксирован в 2004 году, в преддверии Оранжевой революции. Антикультовая тема использовалась не для реального реформирования права, а как мощный медийный триггер. В условиях жесткого электорального противостояния риторика спасения нации от «инострannого духовного влияния» и «зомбирующих сект» служила способом консолидации консервативного электората. Это был период, когда понятия «секта» и «внешнее управление» начали впервые связываться в единый пропагандистский узел, создавая образ внутреннего врага, якобы подрывающего традиционные устои страны.

Ситуация приобрела более конкретные очертания в 2012–2013 годах, в период позднего президентства Виктора Януковича. В это время в силу вступил резонансный закон № 10221, который, хотя и не содержал слова «культ» в названии, фактически ужесточал государственный контроль над всеми религиозными организациями. Изменения, вступившие в действие в конце 2012 года, существенно расширили полномочия органов власти по надзору за деятельностью общин и усложнили процедуру регистрации. Именно тогда под лозунгами борьбы с экстремизмом и защиты общественной морали начала выстраиваться административная линия, способная в любой момент маркировать неугодную общину как «деструктивную». Данный период характеризовался попытками внедрить в украинское правовое поле элементы российского законодательства, где борьба с религиозными меньшинствами уже стала частью государственной доктрины.

Новая волна антикультовой активности поднялась в 2020 году, когда народный депутат Галина Третьякова инициировала обсуждение законопроекта о деятельности «деструктивных религиозных организаций». Особенностью этого этапа стало смещение акцентов: если раньше «секты» обвиняли в подрыве веры, то теперь риторика строилась вокруг понятий «финансовых пирамид» и использования техник нейролингвистического программирования (НЛП) для завладения имуществом граждан. Инициатива Третьяковой предлагала наделить государство правом определять «деструктивность» организации на основе её финансовой деятельности и методов воздействия на психику. Однако анализ этого предложения обнаруживает опасную размытость определений, позволяющую подвести под категорию «культа» любую общину, практикующую активный сбор пожертвований или обладающую харизматичным лидером.

В этом контексте принципиальное значение приобретает тезис известного украинского религиоведа Людмилы Филипович, которая в своих работах и интервью последовательно доказывает, что подобные инициативы являются частью «паттерна отвлечения внимания». По мнению Филипович, как только власть сталкивается с нерешаемыми экономическими или социальными проблемами, в повестку вбрасывается тема «борьбы с сектами» как удобного и понятного врага. Более того, исследовательница прямо указывает на «руку

Москвы» в этих процессах, характеризуя украинские антикультовые инициативы как гибридное влияние и «неуклюжее обезьянничанье» российских образцов. Филипович подчеркивает, что на Украине, где исторически сосуществуют десятки конфессий, попытки внедрить антикультовые законы неизбежно ведут к разрушению социального консенсуса и играют на руку внешнему агрессору, стремящемуся дестабилизировать общество изнутри.

Борьба за «традиционные ценности», которую активно экспортирует Российская православная церковь, на практике означает насаждение жесткой идеологической вертикали. Итак, мы видим, как антикультовая риторика, зародившаяся в кабинетах РАЦИРС и подкрепленная ресурсами госкорпораций вроде «Росатома», используется для создания образа Украины как территории «духовного хаоса», нуждающейся в наведении порядка по российскому образцу. Институционализированный мистицизм «Дивеевского братства», претендующий на роль глобального регулятора смыслов, рассматривает украинский религиозный плюрализм как прямую угрозу своему существованию.

Таким образом, попытки продвижения антикультовых законов на Украине являются не внутренним продуктом, а результатом многолетнего экспорта технологий дегуманизации и дискриминации. Антикультовые инициативы всегда идут вразрез с конституционными принципами Украины, они подменяют правовой подход идеологическим и вместо защиты прав граждан создают механизмы их массового нарушения. В условиях войны за суверенитет сохранение свободы совести оказывается не просто вопросом прав человека, но и вопросом национальной безопасности. Украинское общество на протяжении десятилетий успешно отражало эти попытки, опираясь на свою традицию многообразия. Любые попытки легализовать антикультовую борьбу на Украине представляют собой критическую опасность демократическому пути страны. Принятие подобных законов означало бы капитуляцию перед методами того самого тоталитарного режима, с которым Украина ведет борьбу на фронте. Религиозный мир и свобода убеждений являются фундаментом, на котором строится современное украинское общество, и именно этот фундамент пытаются разрушить лоббисты антикультовых ограничений. Защита права каждого гражданина на свободный духовный поиск без вмешательства государственных

«инквизиторов» остается важнейшим маркером принадлежности Украины к европейской цивилизации и её способности противостоять этому влиянию извне.

Репрессивная модель подавления религиозного многообразия, отточенная в Дивееве и Сарове под видом «защиты духовного суверенитета», уже активно экспортируется на Запад. Александр Дворкин, занимавший пост вице-президента FECRIS более десяти лет, стал тем самым связующим звеном, через которое идеи «духовной безопасности» проникали в законодательные органы Европы, Канады, США и Австралии.

В ходе анализа открытых источников и отчетов международных правозащитных организаций зафиксированы системные попытки внедрения антикультовых норм в законодательство стран, которые сегодня официально именуются «недружественными». Через сеть депутатов и лоббистов, связанных с FECRIS, продвигались концепции «манипуляции сознанием» и «психологического насилия», которые в правовом поле западных демократий должны были играть роль троянского коня. Конечной целью этого экспорта является создание глобального юридического прецедента, позволяющего государству произвольно ограничивать свободу совести, опираясь на псевдонаучные экспертизы аффилированных специалистов.

Следы этой активности заметны, например, в Бельгии и Италии через периодические инициативы криминализации «ментальной манипуляции» и обсуждения норм о «злоупотреблении слабостью» — юридически опасных именно размытостью критериев. В итальянской дискуссии такие проекты нередко сопоставляют с историческим «reato di plagio», признанным неконституционным из-за неопределённости.

В Канаде и Австралии через местные филиалы FECRIS распространялись методички Дворкина, в которых любые независимые от государства духовные группы маркировались как «социально опасные». Это не просто теоретический обмен опытом; это строительство международного фронта против самой идеи свободы убеждений, где интересы французских бюрократов-лаицистов и российских «православных чекистов» сливаются в едином стремлении к тотальному контролю над человеческой психикой.

Особый пласт моей работы заняло изучение роли антикультового движения в поддержке и оправдании наиболее жестоких авторитарных режимов современности. Работа Массимо Интровинье «Sympathy for the Devil» стала для меня ключевым доказательным материалом, раскрывающим механизмы этого сотрудничества. Интровинье убедительно доказывает, что FECRIS и её российские эмиссары стали идеологической обслугой китайских репрессий против Фалуньгун и уйгуров.

Александр Дворкин, выступая от имени европейской федерации, публично поддерживал действия Пекина, сравнивая членов Фалуньгун с «раковыми клетками» и утверждая, что их уничтожение является вопросом государственной гигиены.

Это поразительное единодушие: российская элита, молящаяся в Дивееве о спасении от «западного антихриста», одновременно благословляет коммунистический Китай на геноцид верующих. Интровинье в своем отчете вскрывает эту «симпатию к дьяволу», показывая, что для антикультистов не существует моральных преград, если речь идет о подавлении духовных конкурентов. Поддержка Пекина в его кампании по «десектизации» послужила моделью для последующего запрета Свидетелей Иеговы в России, создав замкнутый цикл транснационального насилия, освященного «экспертным» знанием. Интегрируя информацию о связях FECRIS с российским контекстом, я прихожу к выводу, что мы имеем дело с глобальным синдикатом по производству дегуманизации. Международные связи Дворкина используются для того, чтобы представить российские репрессии не как прихоть авторитарного режима, а как часть общемировой борьбы за «психологическое благополучие». В этом контексте геноцид уйгуров в Синьцзяне и облавы на верующих в российских регионах предстают как два фасада одной и той же постройки. Через структуры FECRIS китайские пропагандистские нарративы об «экстремистских сектах» вливались в европейское информационное пространство, подготавливая почву для принятия репрессивных законов.

Глава 5. Молот ведьм 282

Изучение современных судебных хроник и поиски информации в архивных источниках привели меня к пониманию того, что любая закрытая элитарная структура, претендующая на исключительность, нуждается в эффективном карательном инструменте. Для «Дивеевского братства», выстраивающего вокруг себя контур «ядерного православия», таким инструментом стала статья 282 Уголовного кодекса РФ. Изучая её эволюцию, я осознал, что мы имеем дело не с обычным правовым актом, а с гибкой, почти «резиновой» дубиной, предназначенной для зачистки духовного пространства.

Ещё в 2015 году на портале Pravogub.ru юристы и аналитики прямо называли статью 282 антиконституционным феноменом. Они указывали на поразительную абстрактность формулировки «действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды». Эта юридическая неопределенность дает правоохранительным органам безграничную дискрецию: под «действие» можно подвести любое слово, пост в социальной сети или даже выражение лица при обсуждении религиозных догм. Статья 282 в её нынешнем виде нарушает принципы Конституции, касающиеся свободы слова и совести, превращаясь в механизм подавления любого инакомыслия, которое может составить конкуренцию государственной идеологии.

Но юридическая норма — это лишь пустая форма, которую нужно наполнить содержанием. Здесь на авансцену снова выходит структура, ставшая интеллектуальным мотором репрессий — РАЦИРС, которая годами выстраивала монополию на «экспертное знание». Когда следствию нужно признать литературу того или иного нового религиозного движения экстремистской, они обращаются к проверенным кадрам. Дворкин и его соратники создали конвейер экспертиз, где понятия «секта» и «экстремизм» слились в нерасторжимое целое.

Масштабы этой деятельности поражают: к 2026 году число только «Свидетелей Иеговы», подвергшихся уголовному преследованию, достигло сотен дел и эпизодов по всей стране; по данным открытых сводок самих верующих, число «всего преследуемых» превышает 900 человек, а число тех, кто в разные годы

проходил через заключение, исчисляется сотнями. Используя статью 282.2 как дополнение к основной статье, антикультисты добились фактической криминализации любой частной религиозной инициативы. Саентологи, кришнаиты, последователи восточных практик — все они в этой логике становятся «духовными диверсантами», чья вина доказывается не общественно опасными деяниями, а самим фактом существования вне рамок официально одобренного «братством» канона.

24 июня 2025 года президент подписал Федеральный закон № 173-ФЗ, который окончательно закрутил гайки. Этот документ стал итогом многолетних усилий тех, кто видит в многообразии мнений угрозу государственной безопасности.

Главным новшеством стало ужесточение ответственности за действия, совершенные группой лиц. В пояснительной записке, которую мне удалось изучить, содержится фраза о том, что групповые высказывания «нормализуют экстремизм» в общественном пространстве. По сути, власть открыто признала: опасно не само высказывание, а его восприятие как нормы. Если люди начинают обсуждать альтернативные пути духовного развития и находят в этом поддержку друг друга, это подлежит немедленному пресечению.

Закон № 173-ФЗ отменил последние остатки административной преюдиции для групповых действий, позволяя возбуждать уголовные дела сразу, без предварительных штрафов. Это переход к модели превентивного подавления, где любая ячейка, не контролируемая государством, объявляется опасным очагом.

За каждой такой законодательной инициативой стоят конкретные дирижёры. Андрей Клишас и Елена Мизулина стали главными проводниками этой стратегии. Клишас, как блестящий юрист, обеспечил процессуальную безупречность превращения прав человека в фикцию, а Мизулина наполнила этот процесс пафосом борьбы за «традиционные ценности». Их мотивация глубоко укоренена в государственной идеологии «Дивеевского братства». Для них Россия — это осажденная крепость, где единство веры и власти является единственным залогом выживания.

Мизулина ещё в 2017 году возглавляла рабочие группы по подготовке антисектантских законов, открыто заявляя, что в стране действуют сотни деструктивных организаций. Эта парадоксальная связка — технократическая дисциплина Клишаса и моральный фундаментализм Мизулиной — создала идеальные условия для расцвета репрессии нового типа. Они не просто принимают законы; они проектируют реальность, в которой лояльность «братству» и их идеологии является единственным критерием законности пребывания в духовном поле.

Зачистка поля от «сект» и «экстремистов» — это циничный бизнес-план по устранению конкурентов. Если же вы ищете ответы в разной духовной литературе, медитации, изучаете другие священные тексты или, упаси боже, критикуете церковную иерархию, вы попадаете под каток статьи 282. Антикультовое законодательство расчищает пространство для «коллективного Распутина». Все остальные «учителя» и «пророки» должны быть либо интегрированы, либо уничтожены, чтобы не отвлекать паству от главного — служения метафизической вертикали власти.

В процессе подготовки этой главы я не раз задавался вопросом: каково будущее свободы совести в мире, где право на истину защищено уголовным кодексом?

Мои выводы неутешительны. Мы вступаем в эпоху, где внутренний мир человека становится объектом государственной инвентаризации. Статья 282 и закон № 173-ФЗ — это не просто правовые инструменты, это символы конца эпохи Просвещения в одной отдельно взятой стране. «Дивеевское братство» выстроило систему, в которой вера заменена идеологией, а духовный поиск — протоколом безопасности. Зачищая поле от «духовных конкурентов», они создают пустыню, в которой будет слышен только их собственный голос, вещающий о величии и эсхатологической победе под сенью ядерных боеголовок.

Но свобода совести — это не дар государства, а фундаментальное свойство человека, которое невозможно полностью подавить никакими экспертизами Дворкина или законами Клишаса. Однако пока антикультовая идеология на пике своего могущества, каждому, кто осмеливается мыслить вне канона, следует помнить: молот ведьм уже занесен, и его номер в уголовном кодексе — 282.

Я не раз ловил себя на мысли о глубоком внутреннем противоречии. С одной стороны, статья 28 Конституции РФ торжественно декларирует право каждого на свободу совести и вероисповедания, включая право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. С другой стороны, анализируя оперативные отчеты силовых ведомств за последние годы, я вижу, как эта конституционная гарантия превращается в фикцию под давлением государственной машины.

Ища критический момент в этой репрессивной политике, я неизбежно возвращаюсь к апрелю 2017 года, когда Верховный суд РФ признал Управленческий центр Свидетелей Иеговы экстремистской организацией. После этого решения механизм подавления заработал на полную мощность. За период 2023–2025 годов масштаб преследований Свидетелей Иеговы в России приобрел черты системного государственного террора против мирных верующих.

По данным, которые приводит проект «ОВД-Инфо» и сайт Свидетелей Иеговы в России, к началу 2025 года число верующих, подвергшихся уголовному преследованию, перевалило за 900 человек. Наблюдая за судебными процессами в режиме реального времени, я зафиксировал, что только за 2023 год силовые рейды прошли по 183 адресам в различных регионах страны. Статистика Fogum 18 и Комиссии США по международной религиозной свободе (USCIRF) подтверждает, что по состоянию на середину 2025 года около 180 верующих остаются в местах лишения свободы — это люди, находящиеся в СИЗО, колониях или под домашним арестом. Суровость приговоров поражает даже воображение: в 2023 году суды первой инстанции вынесли решения, согласно которым совокупный срок лишения свободы для верующих составил более 257 лет, при этом многие получили сроки от 6 лет и более за обычное чтение Библии или совместное пение псалмов. Жестокость системы проявляется не только в цифрах, но и в лицах.

В отчетах правозащитного центра «Мемориал», ныне ликвидированного властями, но продолжающего фиксировать списки политзаключенных, фигурируют пожилые люди и инвалиды, для которых тюремный срок фактически является смертным приговором. Например, дело 70-летней Валентины Барановской, отправленной в колонию вскоре после инсульта, или 66-летнего Юрия Савельева, проведенного годы за решеткой в строгих условиях. Это не просто судебные ошибки, а сознательная тактика устрашения.

Как сообщает сайт Forum 18, российские власти не ограничиваются лишением свободы: сразу после запрета 2017 года началась масштабная конфискация имущества организации. Речь идет о сотнях объектов недвижимости по всей стране, включая молитвенные здания. Общая сумма компенсаций, которые Россия обязана выплатить верующим по решениям Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), уже превысила 4 миллиона евро, но российская сторона игнорирует эти постановления, опираясь на решение Конституционного суда 2015 года о приоритете национального права. По данным дела «Маркин и другие против России», рассмотренного ЕСПЧ в октябре 2025 года, конфискация имущества была признана незаконной если исходить с фактического контекста, но на практике эти активы уже давно интегрированы в распоряжение государственных и муниципальных структур.

Второе направление «антикультового» террора развернуто против саентологов и других новых религиозных движений (НРД), которые власть планомерно выдавливает в правовой вакуум. Изучая хронологию репрессий, мною был замечен важный тактический сдвиг: вместо прямых запретов всё чаще используется инструмент признания организаций «нежелательными».

В период с 2021 по 2024 год Генеральная прокуратура РФ признала «нежелательными» ключевые международные структуры саентологов, такие как «World Institute of Scientology Enterprises International» (WISE Int.) и «Church of Spiritual Technology» (CST). Это позволило силовикам преследовать любого последователя Лафайета Рона Хаббарда по уголовным статьям за участие в деятельности «нежелательной» НПО.

Кульминацией этого процесса стало решение Санкт-Петербургского городского суда от 17 декабря 2024 года, которым незарегистрированная «Саентологическая церковь города Санкт-Петербурга» была признана экстремистской организацией и ликвидирована. Примечательно, что аргументация обвинения строилась на утверждениях об «исключительности» учения и «унижении достоинства» тех, кто не является членом организации. Эксперты центра «СОВА» справедливо указывают на неправомерность такого подхода, ведь утверждение собственной исключительности свойственно любой

религии. Однако в системе «ядерного православия» исключительность позволена только одной стороне.

Мои наблюдения за оперативной деятельностью ФСБ в 2025 году показывают, что охота на «культы» продолжается с неослабевающей силой. 31 марта 2025 года было объявлено о ликвидации ячейки саентологов в Калининграде. Задержанный проповедник обвинялся в том, что использовал коммерческую структуру — центр обучения персонала «Намерение» — для продвижения интересов «нежелательной» организации. В ходе обысков силовики изымали не только литературу, но и личные папки учеников, что является грубым нарушением права на частную жизнь.

Та же тактика дискредитации применяется к протестантам. Я изучил сводки за 2023 год, когда двум пасторам-пятидесятникам было назначено по 3,5 года колоний из-за их предполагаемой связи с движением «Новое поколение», признанным «нежелательным». Центр «СОВА» отмечал, что силовики часто намеренно путают зарегистрированные российские религиозные организации с международными движениями, чтобы иметь повод для репрессий.

В 2024 году давление на протестантов усилилось через закон о «незаконном миссионерстве»: количество административных дел по этой статье увеличилось с 354 до 431. Епископы и лидеры общин, такие как руководители церкви «Слово жизни», всё чаще попадают в списки «иностранных агентов», что фактически лишает их возможности вести легальную общественную деятельность.

По-моему, мы наблюдаем планомерное превращение верующих в «узников совести». Государство, само опирающееся на закрытые элитарные структуры вроде «Дивеевского братства», ревниво зачищает любое пространство автономной мысли и веры. Используя антиэкстремистское законодательство и статус «нежелательных организаций», власть создает атмосферу страха и подозрительности. Отчеты Комиссии США по международной религиозной свободе (USCIRF) и данные российских правозащитников из «ОВД-Инфо», фиксируют, как сотни людей оказываются за решеткой за свои убеждения, а миллионы других вынуждены уходить в подполье или эмигрировать.

Эта политика не только разрушает жизни конкретных людей, но и подрывает основы гражданского общества, заменяя гарантированную Конституцией свободу совести жестким идеологическим диктатом. В этой реальности статья 28 Конституции остается лишь памятником несбывшимся надеждам на демократическое развитие, в то время как тюрьмы пополняются новыми жертвами «антикультовой» инквизиции XXI века.

Данное расследование подводит к неизбежному вопросу о будущем. Наблюдая за тем, как быстро и методично выстраивается новый формат контроля, я прихожу к выводу, что мы находимся лишь в начальной фазе реализации масштабного проекта по переформатированию не только политического, но и ментального ландшафта страны. В ближайшей перспективе мы рискуем увидеть сращивание цифрового профиля гражданина с его «индексом идеологической благонадежности», где интерес к новым религиозным движениям или «нетрадиционным» взглядам будет автоматически маркироваться системой как признак экстремистской наклонности.

Религиозная политика государства при этом окончательно переходит в фазу жесткой сегрегации. Взаимодействие с РПЦ МП приобретает черты государственного заказа, в то время как любая независимая религиозная активность планомерно выдавливается в правовой вакуум. Борьба с новыми религиозными движениями (НРД) становится для «братства» ритуальным актом очищения пространства.

Итоговые последствия деятельности «Дивеевского братства» выходят далеко за пределы политических репрессий. Мы наблюдаем глубокую эрозию самой человеческой сущности, где дегуманизация оппонента становится нормой общественного договора. Но самая большая опасность кроется внутри самой элиты: под маской ревностного православия происходит подмена христианских ценностей оккультными практиками и магическим детерминизмом. Если запущенный процесс не будет остановлен через общественное пробуждение и восстановление правовых норм, Россия (а далее другие страны) рискует окончательно погрузиться в ночь нового средневековья, где высокие технологии будут служить лишь для того, чтобы вечно охранять покой магического рва, за которым исчезает человеческая свобода.

Существуют ли альтернативы этому сценарию духовной опричнины?

Будущее зависит от того, сможем ли мы вовремя осознать, что «Мистический код Дивеево» — это лишь декорация, скрывающая холодный расчет и страх тех, кто пытается удержать власть, спрятавшись за святыми мощами и атомными реакторами. То, что мы привыкли считать «защитой традиций», на поверку оказалось опасным наследованием тоталитарных технологий управления сознанием, в том числе калькой с нацистских технологий управления сознанием. Те же методы дегуманизации, те же ярлыки «нелюдей» и «биологической угрозы», то же стремление к расовой — теперь уже духовной — гигиене. Они используют проверенные историей схемы «очищения» общества, переодетые в новые символы. Им не пришлось изобретать ничего нового: механизм превращения ближнего в «объект для ликвидации» безотказно работает уже столетия.

Но было бы слишком просто винить во всем лишь горстку кукловодов. Глядя на позолоченные фасады «атомного православия», мы видим в них, прежде всего, собственное отражение. Это мы — простое, молчаливое большинство — позволили этому случиться. Мы добровольно отключили критическое мышление, обменяв свободу совести на иллюзию безопасности. Мы позволили манипулировать собой, соглашаясь с тем, что мир делится на «избранных» и тех, кто им подчиняется.

Наша вина — в лени разобраться, в страхе перед сложностью мира, в поиске простых ответов на вопросы, требующие мужества. Властолюбцы лишь воспользовались нашей готовностью быть обманутыми, превратив «антикультизм» в совершенное оружие порабощения. Под предлогом борьбы за души наших детей они отравляют их будущее, отнимая у них право на свободный поиск и превращая целые страны в зону идеологической стерильности. Это механизм зла в его чистом виде: стравливать народы, разделять семьи и выжигать человеческое в человеке ради сохранения власти.

Теперь, когда мистический код расшифрован, когда механизмы «духовной опричнины» и «технократического оккультизма» обнажены до основания, правила игры меняются. Знание — это не только сила, но и непосильная ноша ответственности. Больше нельзя сказать: «Я не знал». Отворачиваться от правды теперь означает становиться соучастником. Каждый приговор по статье 282,

каждый разрушенный храм «не тех» конфессий, каждая слеза и жизнь ребенка, теперь ложится тенью на каждого из нас. Мы стоим в точке перелома, где молчание окончательно перестает быть золотом и становится топливом для костров новой инквизиции.

В этой беспросветной картине кроется источник величайшей надежды. Те, кто выстроил этот «кибернетический алтарь», те, кто прячется за ядерными щитами и плутониевыми святынями, — такие же люди из плоти и крови, как и мы. Их мистическое величие — лишь декорация, а их всеисие держится исключительно на нашем коллективном страхе. Они питаются нашим безразличием, нашей уверенностью в собственной ничтожности. Но правда в том, что нас — больше. Миллионы людей, сохранивших искру живой совести, сильнее любого «коллективного Распутина». Их сила — карточный домик, который рухнет, как только мы перестанем подпирать его своими плечами.

Путь выхода лежит исключительно через восстановление реального общественного контроля и радикальную прозрачность принятия решений. Защита свободы совести должна перестать быть лозунгом узкой группы правозащитников и стать фундаментом национальной безопасности, понимаемой как право гражданина на интеллектуальную независимость. Необходимо создание независимых экспертных советов, способных противостоять монополии РАЦИРС, и возвращение к принципам светскости, где государство не берет на себя роль верховного инквизитора и толкователя пророчеств.

Мы еще можем всё изменить. Можем вернуть алтарю святость, а закону — справедливость. Для этого нужно лишь одно: перестать быть жертвами обстоятельств. Перестать молчать, когда расчеловечивают соседа. Перестать верить алгоритмам ненависти. Мистический код Дивеево — это не код в системе контроля, а наша способность остаться людьми там, где от нас требуют стать винтиками. Путь к спасению начинается не в закрытых бункерах Сарова, а в сердце каждого, кто нашел в себе силы сказать «нет» торжествующему злу. Мы — не служебный ресурс. Мы — люди.

Источники

1. Bitter Winter. (2022, Aprile 28). FECRIS, China, and Russia. 7. FECRIS' ideological support for totalitarian regimes. <https://bitterwinter.org/7-fecris-support-for-totalitarian-regimes/>
2. CESNUR. (2022). White paper on FECRIS [PDF]. https://cesnur.net/wp-content/uploads/2022/05/tjoc_6_3_1_whitepaper.pdf
3. Drevo-info.ru. Энциклопедическая справка об игуменье Сергии (Конковой), под. 1946. <https://drevo-info.ru/articles/13679551.html>
4. FECRIS. About FECRIS. <https://www.fecris.org/>
5. FECRIS. О деятельности FECRIS. <https://www.fecris.org/ru/>
6. Freedom of Belief. (2025, August 22). Critique of FECRIS and its methods. <https://freedomofbelief.net/fecris>
7. Human Rights Watch. (2017, 21 апреля). Россия: Верховный суд запретил Свидетелей Иеговы. <https://www.hrw.org/ru/news/2017/04/21/302591>
8. jw-russia.org. (2024, декабрь). Репрессии против Свидетелей Иеговы: итоги 2024 года. <https://jw-russia.org/news/2024/12/230900.html>
9. marss2. (2020, март). О финансировании строительства церквей, 4,5 млрд рублей от ФАДН. LiveJournal. <https://marss2.livejournal.com/4166671.html>
10. Money.prichod.ru. (2026, январь). Сергей Рябухин: «Всё больше людей в России начинают жить по принципу “рука дающего не оскудеет”». <https://money.prichod.ru/sergej-rjabuhin-vse-bolshe-ljudej-v-rossii-nachinajut-zhit-po-principu-ruka-dajushhego-ne-oskudeet/>
11. NN.ru. (2018, 28 декабря). Она звалась Вероникой: игуменья Дивеевского монастыря и КГБ. <https://www.nn.ru/text/politics/2018/12/28/65796351/>
12. Preetulenko, T. (2025, 3 декабря). Видео о преступлениях священников РПЦ и причастности Дворкина [Видео]. Facebook. <https://www.facebook.com/tane.preetulenko/videos/843768211595014/>

13. rublev-museum. (2011, 20 июля). Задержан заместитель Кириенко (Евстратов) по обвинению в крупном мошенничестве. LiveJournal. <https://rublev-museum.livejournal.com/183018.html>

14. UK-RF.ru. Статья 282 УК РФ: комментарий и судебная практика. <https://uk-rf.ru/chast-2/razdel-10/glava-29/statya-282/>

15. United Nations, Economic and Social Council. (2022). E/2022/32 (Part II): Report on the status of non-governmental organizations. [https://docs.un.org/ru/E/2022/32\(partii\)](https://docs.un.org/ru/E/2022/32(partii))

16. VC.ru. (2024). Паутина страха: как международная сеть антикультистов уничтожает судьбы. <https://vc.ru/id5077865/2238939-pautina-straha-antikultisty-unichtozhajut-sudby>

17. VC.ru. (2026). Кейс РПЦ: как «Молитва о победе» и Александр Дворкин связаны с политикой и антикультовым движением. <https://vc.ru/opinions/2680994-rpc-i-politika-molitva-o-pobede>

18. Wikipedia. Дворкин, Александр Леонидович. Википедия. https://ru.wikipedia.org/wiki/Дворкин,_Александр_Леонидович

19. Wikipedia. Статья 282 Уголовного кодекса РФ. Википедия. https://ru.wikipedia.org/wiki/Статья_282_Уголовного_кодекса_РФ

20. Wikipedia. Преследование Свидетелей Иеговы в России. Википедия. https://ru.wikipedia.org/wiki/Преследование_свидетелей_Иеговы_в_России

21. Ведомости. (2024, 28 июня). Путин встретился с выпускниками Школы губернаторов. <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/06/28/1046959-putin-vstretilsya-s-vipusknikami>

22. Верховный Суд Российской Федерации. (2017, апрель). Решение о признании организации «Управленческий центр Свидетелей Иеговы в России» экстремистской и её ликвидации. Гарант. <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71580182/>

23. Волкова, М. (2022, 11 октября). Духовный центр и закрытый наукоград. Как Саров стал частью паломническо-туристического кластера. Российская газета. <https://rg.ru/2022/10/11/reg-pfo/duhovnyj-centr-i-zakrytyj-naukograd.html>

24. Волков, К. (2024, 13 мая). Крестивший Белоусова священник рассказал о нем. РИА Новости. <https://ria.ru/20240513/belousov-1945723150.html>

25. Голованов, Р. (2020, 16 января). «Очень воцерковленный»: новый премьер помогает русским монастырям. KP.RU. <https://www.kp.ru/daily/27079/4150631/>

26. Иваненко, С. (2023). О людях, стойких в гонениях [PDF]. <https://ivanenko.online/wp-content/uploads/2023/06/O-людях-стойких-в-гонениях-1.pdf>

27. Интерфакс. (2020, 27 ноября). Кремль объяснил отсутствие масок у участников встречи с Путиным в Сарове. INTERFAX.RU. <https://www.interfax.ru/russia/738952>

28. Информационно-аналитический центр «СОВА». (2023, декабрь). Статистические данные о преследованиях Свидетелей Иеговы. <https://www.sova-center.ru/religion/news/harassment/intervention/2023/12/d49123/>

29. КЛУБ СТОРОННИКОВ РАССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ. (2025, 23 июня.). Инквизиция Дворкина и его стремление к всевластию. <https://actfiles-supporters.org/inkvizisia-sectu-dvorkina-i-ego-stremlenie-k-absolyutnoj-vlasti/>

30. Министерство финансов Российской Федерации. (2024, сентябрь). Приказ № 130н о бюджетной классификации Российской Федерации. https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=308861

31. Монастырский вестник. Биография игуменьи Сергии (Конковой), настоятельницы Дивеевского монастыря. <https://monasterium.ru/monastyri/namestniki/igumeniya-sergiya-konkova/>

32. НН.ру. (2017, 9 июля). Секретный город, которого «нет». Саров глазами очевидца. <https://www.nn.ru/text/gorod/2017/07/09/50602011/>

33. Новая газета Европа. (2023, 20 октября). Православие ядерной бомбы. <https://novayagazeta.eu/articles/2023/10/20/pravoslavie-iadernoi-bomby>

34. Новая газета. (2024, 20 июня). «Битва башен» в РПЦ. Вспыхнул публичный спор придворных богословов Кирилла. <https://novayagazeta.ru/articles/2024/06/20/bitva-bashen-v-rpts>

35. Патриархия.ru. (2011, декабрь). Доклад митрополита Нижегородского Георгия о церковной жизни. <http://www.patriarchia.ru/db/text/1230755.html>

36. Патриархия.ru. (2016, июль). Святейший Патриарх Кирилл освятил собор в честь Преображения Господня. <http://www.patriarchia.ru/db/text/6081603.html>

37. Перцев, А. (2024, 2 апреля). Чиновники и бизнесмены во главе с Сергеем Кириенко отдыхают и «решают вопросы» в Дивеевском монастыре. Их религиозное «братство» восстановило эту обитель — и превратило в подобие масонской ложи. Meduza.

38. Перцев, А. (2024, 31 декабря). Как «братство» во главе с Кириенко «решает вопросы» в Дивеевском монастыре [Аудио подкаст-эпизод]. Meduza. <https://meduza.io/episodes/2024/12/31/kak-bratstvo-vo-glave-s-kirienko-reshaet-voprosy-v-diveevskom-monastyre><https://meduza.io/feature/2024/04/02/chinovniki-i-biznesmeny-vo-glave-s-sergeem-kirienko-otdyhayut-i-reshayut-voprosy-v-diveevskom-monastyre>

39. РБК. (2018, 24 апреля). Кириенко и «Школа губернаторов»: как формируется элита. <https://www.rbc.ru/politics/24/04/2018/5ad9ed629a794736caac3aa5>

40. РАЦИРС/Патриархия.ru. (2008, 10 июля) Вопросы противостояния тоталитарному сектантству обсудили участники международных конференций на Кипре. <https://www.patriarchia.ru/article/25555>

41. Роскомсвобода. (2023). Статья 282 пережила ещё одно обновление. <https://roskomsvoboda.org/ru/post/russia-restores-282-extremism-penalties/>

42. Сайт об антиконституционной деятельности Александра Дворкина. РАЦИРС (Российская ассоциация центров изучения религий и сект). <http://alexander-dvorkin.ru/racirs/>

43. Сайт об антиконституционной деятельности Александра Дворкина. Центр религиоведческих исследований (ЦРИ). <http://alexander-dvorkin.ru/crri/>

44. Свято-Троицкий Серафимо-Дивеевский монастырь. (2021, 19 ноября). Первый заместитель руководителя Администрации Президента РФ Сергей Кириенко посетил Серафимо-Дивеевский монастырь. <https://diveevo->

monastyr.ru/news/pervyj-zamestitel-rukovoditelja-administracii-prezidenta-rf-sergej-kirienko-posetil-serafimo-diveevskij-monastyr/

45. Свято-Троицкий Серафимо-Дивеевский монастырь. История Дивеевского монастыря. <https://diveevo-monastyr.ru/chronicle/istorija-diveevskogo-monastyrja/>

46. Серафимова земля. (2021, 19 ноября). Сергей Кириенко посетил строящиеся объекты на территории кластера «Арзамас – Дивеево – Саров». Серафимова земля. <https://серафим.пф/news/cluster/sergej-kirienko-posetil-stroyashchiesya-obekty-na-territorii-klastera-arzamas-diveevo-sarov>

47. Серафимова земля. История Дивеево и Серафима Саровского. <https://серафим.пф/history>

48. Солдатов, А. (2024, 17 мая). Дивеевские тайны кремлевского братства. Новый министр обороны Белоусов — попечитель Серафимо-Дивеевского монастыря. Что за элитное «Дивеевское братство», собравшее чиновников и олигархов? Новая газета. <https://novayagazeta.ru/articles/2024/05/17/diveevskie-tainy-kremlevskogo-bratstva>

49. ТАСС. (2022, 1 августа). Чернышенко: ежегодный турпоток в нижегородское Дивеево составляет 400 тыс. человек. ТАСС. <https://tass.ru/obschestvo/15357809>